

Павел Бирюков

Биография Л.Н.Толстого.

Том 3

Павел Бирюков

Биография Л.Н.Толстого. Том 3

«Public Domain»

1915

Бирюков П. И.

Биография Л.Н.Толстого. Том 3 / П. И. Бирюков — «Public Domain», 1915

«...Приступая к составлению третьего тома биографии Л. Н-ча Толстого, я останавливаюсь перед новыми трудностями. Если в 1-м томе мне пришлось употребить все силы на отыскивание материала и на восстановление картин далекого прошлого, свидетели которого уже сошли в могилу; если при составлении второго тома я останавливался перед трудностью проникновения в таинственный процесс перерождения великой души, – то все же, создавая исторические картины, я описывал малоизвестное, почти новое, и интерес этого нового значительно искупал недостатки описания...»

Содержание

Предисловие автора	5
Библиографический указатель	8
Часть I. 1884–1886 гг. Новая жизнь. Новые тернии. Новое творчество?	10
Глава 1. События 1884 г. Народная литература	10
Глава 2. «Так что же нам делать?»	17
Глава 3. Бремя жизни. Посланничество. Земельный вопрос	25
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Павел Иванович Бирюков

Биография Л. Н. Толстого. Том 3

Предисловие автора

Приступая к составлению третьего тома биографии Л. Н-ча Толстого, я останавливаюсь перед новыми трудностями. Если в 1-м томе мне пришлось употребить все силы на отыскание материала и на восстановление картин далекого прошлого, свидетели которого уже сошли в могилу; если при составлении второго тома я останавливался перед трудностью проникновения в таинственный процесс перерождения великой души, – то все же, создавая исторические картины, я описывал малоизвестное, почти новое, и интерес этого нового значительно искупал недостатки описания.

В третьем томе я испытываю затруднение совершенно другого рода. Все, что я буду описывать, начиная с 1885 г., настолько живо еще в воспоминаниях всего мыслящего общества современного мне поколения, что мне придется говорить о вещах хорошо известных, происходивших на виду и на памяти живущих людей. Абсолютно объективная точка зрения недоступна живо чувствующему человеку. И вот, описывая факты со своей точки зрения, я рискую не удовлетворить моим описанием многих, столь же сильно, но иначе чувствующих читателей, которыми эти события рассматривались под совсем другим углом зрения.

Помощью мне в этом деле будет большое количество новых человеческих документов, излагая или приводя которые, я буду стараться отходить в сторону, предоставляя им говорить самим за себя, лишь оттеняя и подчеркивая те места, которые, по моему мнению, стоят большего внимания.

Но и эта, доступная объективность, вперед знаю, удовлетворит немногих. Кроме того, изложение событий, в большей части которых я принимал личное участие, неизбежно поведет к изложению моих личных впечатлений от этих событий и воспоминаний о них, и эти впечатления и воспоминания будут вплетаться в отчеты о совершившихся фактах.

Я надеюсь, что ценность этих документов, особенно писем Л. Н-ча и заметок из его дневника, будет настолько велика, что интерес к ним искупит недостатки моей работы и пополнит то, на что неспособны были мои слабые силы.

Закончить же свою работу или, но крайней мере, довести ее до того современного момента, когда популярность Л. Н-ча достигла наивысшего уровня, когда его жизнь стала чуть не ежедневным объектом всякого рода описаний, расходящихся путем периодической печати по всему миру, довести до этого момента – я считаю своим священным долгом. Таким путем я надеюсь передать мою работу более опытным и искусным мастерам этого дела.

Новое в этом томе, т. е. такое, чего еще не было в двух предыдущих томах – это отношение Л. Н-ча ко всему европейскому, американскому и азиатскому миру, что стало заметно именно со 2-й половины 80-х годов прошлого столетия.

Это всемирное влияние Л. Н-ча, до которого он дошел вопреки своей скромности, особенно ярко, хотя и не шумно, выразилось в тех сердечных приветствиях из разных стран земного шара, которым ознаменовался недавно пережитый им 80-тилетний юбилей. На этом одном событии я и думаю остановиться, если не закончить свою работу, выполнив таким образом задуманный план. Дай бог, чтобы эта работа моя хоть сколько-нибудь послужила к уяснению той великой истины, служению которой посвятил свою жизнь наш дорогой, великий старец, истины о том, что жизнь человека есть ничто иное, как возвращение в себе ростка любви к богу и людям и ко всему живущему.

С. Ивановское, 24 июля 1909 г.

Эти страницы введения, как показывает дата, были написаны мною шесть лет тому назад, при начале работы над III томом. За эти шесть лет уткло много воды, много было пережито великих, тяжелых и грозных событий. Я здесь коснусь только тех из них, которые могли так или иначе повлиять на ход моей работы. Я оставляю раньше написанное так, как оно было, потому что оно даст верную картину моего настроения и моих намерений при начале работы.

7-го ноября 1910 года перешла в вечность великая душа, жизнь свою положившая на искание истины, на осуществление в своей жизни той доли ее, которая была доступна ей, и на распространение вокруг себя и на весь человеческий мир того света, которого она была скромной носительницей.

Как ни крепился я, как ни старался метафизическими умозаключениями отстранить от себя чувство потери, я этого сделать не мог и горько плакал у его гроба и теперь плачу, когда пишу эти строки. Признаю свою слабость, свою ничтожность. Боюсь впасть в никому не нужное самобичевание и потому не прибавляю себе других эпитетов. Я чувствую горе от этой потери, потому что только в редкие, лучшие минуты жизни могу чувствовать близость его духа; для этого нужно быть чистым, а я далек от этого, и нечистота моя мешает мне единению с ним. Но и на том дальнем расстоянии, на которое отодвигает меня мое несовершенство, я питаюсь той духовной пищей, которую он в такой изобилии оставил нам. И я верю в наше полное духовное единение, когда то, что теперь мешает нам, устранился тем или иным путем.

Да простит мне читатель это лирическое отступление. Дело в том, что последние дни жизни Л. Н-ча, обстоятельства его кончины необыкновенно расширили биографический материал и вместе с тем с окончанием этой замечательной жизни наложили на меня обязанность довести до конца начатое мною дело описания этой жизни. Все это привело к тому, что мне пришлось разделить имевшийся в моем распоряжении материал уже не на три, а на четыре тома. Гранью третьего и четвертого томов я избрал эпоху, когда Л. Н-ч написал и издал свой роман «Воскресение». Последующие затем события, его отлучение, болезнь, война, революционное движение, его юбилей и кончина – все это достаточно оттеняет эпоху, чтобы дать право посвятить ей отдельный четвертый том.

Если в первом томе я дал очерк происхождения Льва Николаевича и его молодость, во втором – описание его мирной семейной жизни и его художественного творчества, задержавших, скопивших его духовную энергию, которая прорвалась, наконец, через все преграды и ознаменовала его духовный кризис, то третий том дает нам картину его долгой, 15-тилетней деятельной жизни на новых началах; картину его борьбы с миром, историю развития его влияния на русское и заграничное общество, образцы его нового творчества и обширной общественной деятельности этого периода на общее благо.

Вполне сознаю, что собранный мною, координированный и комментированный материал преподносится читателю почти в сыром виде. На более тщательную обработку его у меня не хватило сил. Пусть сделают это другие. Я полагаю, что и в этом виде моя работа стоит издания и должна возбудить интерес в тех, кому дорого имя Л. Н-ча.

Я сказал вначале, что материала у меня было много. Следуя прежней системе, я его снова разделяю на три отдела. 1-й отдел – первоисточники: рукописи, дневник, письма самого Л. Н-ча и его собрание сочинений как появившихся в печати, так и лежащих в архивах. 2-й отдел – сочинения о Л. Н-че достойных доверия лиц, говорящие о нем из первых рук, сообщающие те или другие факты как его внешней, так и внутренней жизни, и наконец, 3-й отдел – различные второстепенные сочинения о Л. Н-че, вспомогательные и критические, сочинения, которыми пришлось пользоваться для пополнения тех или иных сведений, и затем частные и журнальные статьи и вырезки. В этот список материалов я включаю, конечно, только те источники,

которыми я пользовался специально для III тома и которые не включены мною в предыдущие списки.

Нужно ли говорить о том, какое тяжелое чувство испытывал я, излагая жизнь и объясняя мировоззрение великого миротворца в то время, когда слышен гром пушек, стон раненых, плач об убитых, рассказы и описания ужаснейших зверств, какие только знало когда-либо человечество? Что это за ужасающее противоречие с чистыми идеалами Толстого? Не завлакивают ли все эти ужасы облаком удушливого газа все наши юные мечты? Нет, нисколько. «Он повелевает солнцу восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных». И солнце правды и добра светит и в эти ужасные дни. Старый мир, отошедший от истины, поправший законы бога и природы, корчится в последних судорогах отчаяния, и весна человечества наступит в полной силе и разольет радость и благо по всей вселенной. Да будет мой труд хоть одной каплей той животворящей росы, тем одним радостным лучом, которые в бесконечной массе тепла и животельной влаги пробудят уснувшую жизнь и поведут человечество снова вперед к бесконечному благу.

С такими мыслями и в таком виде я выпускаю III том, с надеждой, что читатели оценят правдивость сказанного в нем и будут снисходительны к другим недостаткам автора.

Как всегда, буду искренне благодарен за всякое серьезное замечание и критику, из которых надеюсь извлечь себе пользу для продолжения, исправления и окончания моего большого труда. Павел Бирюков

1 ноября 1915 г.

Onex pres Geneve. Suisse.

Библиографический указатель

Кроме упомянутых источников в I и во II томе, мне пришлось использовать для III тома следующие материалы:

I разряд

- 1) Дневники Л. Н-ча с 1888 по 1899 годы.
- 2) Переписка Л. Н-ча с В. Г. Чертковым (рукопись, арх. Черткова).
- 3) Переписка Л. Н-ча с П. И. Бирюковым (рукопись, арх. П. И. Б-ва).
- 4) Переписка Л. Н-ча Толстого с Татьяной Л. Сухотиной (рукопись, арх. Т. Л. С-ной).
- 5) Переписка гр. С. А-ны Толстой с Т. А. Кузминской (рукопись, арх. Т. А. К-ой).
- 6) Переписка Л. Н-ча с кн. Дм. Ал. Хилковым (арх. П. И. Б-ва).
- 7) Рукописный сборник писем за много лет (арх. кн. М. Л. Оболенской).
- 8) Письма Л. Н-ча Толстого к жене. Москва. 1913 г.
- 9) Толстовский музей, т. I. Переписка Л. Н-ча с Алекс. Андреевной Толстой. СПб., 1911.
- 10) Толстовский музей, т. II. Переписка Л. Н-ча с Н. Н. Страховым. СПб., 1914.
- 11) Толстовский ежегодник. Год первый (изд. Толст, музея в Петербурге).
- 12) Толстовский ежегодник. Изд. Толст, общества в Москве и Петербурге. М., 1912, т. II.
- 13) Толстовский ежегодник... СПб. Изд. Толст, общ. в Петербурге и Москве. 1913, т. III.
- 14) Записки гр. Софьи Андреевны Толстой (рук. арх. С. А-ны).
- 15) Три тома писем Л. Н-ча, изданные П. А. Сергеенко.
- 16) Сборник писем, помещенный в последних томах полного собрания сочинений Л. Н-ча. Изд. т-ва И. Д. Сытина. М... 1913.
- 17) Л. Н. Толстой и русские цари. Издано под редакцией В. Г. Черткова. М., 1918.
- 18) Дневник Л. Н-ча Толстого 1895–1899 гг. Изд. В. Г. Черткова.
- 19) Личные воспоминания и дневники (рукопись, арх. П. И. Б-ва).
- 20) Величкина В. М. у Л. Н-ча Толстого в голодный 1892 год. Воспоминания. «Современный мир», кн. V и VI. 1912 г.
- 21) Давыдов Н. В. Из прошлого. М., 1913 г.
- 22) Кони А. Ф. «На жизненном пути», т. 11. М., 1913 г.
- 23) Лазурский В. Воспоминания о Л. Н. Толстом. М., 1911 г.
- 24) Лев Толстой и голод. Изд. Г. И. Сергеева, и В. Е. Чешихина. Нижний Новгород, 1912.
- 25) Международный толстовский альманах. Сост. П. А. Сергеенко. М., 1908.
- 26) Наживин И. Ф. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Собр. соч. М., 1912. т. V.
- 27) Письма духовоборческого руководителя П. В. Веригина. Изд. «Своб. сл.», № 47. Christchurch.
- 28) «Русские ведомости» (1863–1913). Сборник статей. М., 1913.
- 29) Семенов С. Т. Воспоминания о Л. Н-че Толстом. СПб... 1913.
- 30) Staddling Jonas. In the land of Tolstoi. London. «James Clark et CN». 1897.
- 31) Stead W. T. Truth about Russia. «Cassel & CN». London, 1888.
- 32) Тенеромо И. Живые речи Л. Н. Толстого. (1885–1908). Одесса, 1908.
- 33) Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1914.
- 34) Гольденвейзер. Восп. о Толстом. М., «ПроPILEи».
- 35) Толстой Л. Н. Биография, характеристики, воспоминания. Сборник т-ва «Образование». М., 1910.
- 36) Л. Н. Толстой и медицина.

- 37) Romain Rolland. La vie de Tolstoi. Paris.
- 38) A la memoire de Leon Tolstoi. Seance solennelle. Geneve, 1911.
- 39) Kuhne, Walter. Tolstois Entwicklung, Wandlung nach Denkweis.
- 40) Luxembourg, Rosa. Tolstois Nachlasz. «Die Neue Zeit» № 29. 1913. Stuttgart.
- 41) Tolstoi. «Les grands hommes». Edition Pierre Lafitte & G-ie. Paris, 1913.
- 42) Tournaire Georges. Tolstoi. Conference faite a Paris. Edition de la revue Esser. Paris, 1915.
- 43) Ряд журнальных биографических и критических статей и газетных вырезок.
- 44) Vera Starkoff. La verite sur Tolstoi. Paris, 1912.
- 45) Леон Семенов. Л. Н. Толстой и М. Ю. Лермонтов.
- 46) Сергеенко А. П. Хронологический список сочинений Л. Н. Толстого (рукопись арх. Черткова).
- 47) Толстовский музей в С.-Петербурге. Описание музея. Составители В. И. Срезневский и В. Н. Тукалевский. СПб., 1912 г.
- 48) Указатель журнальных статей, вып. II. Сост. Ульянов. СПб., 1911.
- 49) Архив Толстовского музея в Москве.
- 50) Архив Толстовского музея в Петербурге.
- 51) Арх. В. Г. Черткова в Tuckton House Tuckton. Bournemouth. England.

Часть I. 1884–1886 гг. Новая жизнь. Новые тернии. Новое творчество?

Глава 1. События 1884 г. Народная литература

Мы закончили второй том описанием поездки Л. Н-ча из Москвы в Ясную Поляну в декабре 1884 года, позаимствовав это описание из его поэтического письма к Софье Андреевне.

Прежде, чем перейти к 1885-му году, упомянем о некоторых событиях 1884 г., пропущенных нами ранее по тем или иным причинам.

В мае этого года Л. Н-ч, в письме к Черткову, дает весьма интересный отзыв о своем новом сочинении, посвященном критике церковного учения. Вот что он говорит об этом:

«Несмотря на то, что это сочинение – обзор богословия и разбор евангелий – есть лучшее произведение моей мысли, есть та одна книга, которую (как говорят) человек пишет во всю свою жизнь (я имею на это свидетельство двух ученых и тонких критиков, обоим не согласных со мною в убеждениях; оба, всегда прямо говорившие мне правду, признали сочинения неопровержимыми); несмотря на это, книга эта не убедит того, кто не убедился одним сопоставлением нашей жизни и церкви с духом Евангелия. Книга эта есть расчищение пути, по которому уже идет человек. Но когда человек идет по другому пути, ему вся работа эта представляется бесполезною. Вы не поверите тому, как я радуюсь на то, что в последние три года во мне исчезло всякое желание прозелитизма, которое было во мне и очень сильно. Я так твердо уверен в том, что то, что для меня истина, есть истина всех людей, что вопрос о том, когда какие люди придут к этой истине, мне неинтересен. Вчера я молол кофе и иногда глядел, как и когда попадает под зубцы замеченная мною кофеинка. Очевидно, что это праздное занятие и даже вредное, потому что, занявшись одной кофеинкой, я останавливался молотить и засовывал ее туда. Все смеются, если мы будем молотить, а не молотить мы не можем, потому что не мы, а Бог через нас и весь духовный мир делает это» (Арх. В. Г. Чертова.).

В одном из следующих писем Л. Н-ч дает краткую картину своей жизни и окружающей ее среды:

«Живу я нынешний год в деревне как-то невольно по-новому: встаю и ложусь рано, не пишу, но много работаю – то сапоги, то покос. Прошлую неделю всю проработал на покосе. И с радостью вижу (или мне кажется так), что в семье что-то такое происходит, они меня не осуждают, им как будто совестно. Бедные мы, до чего мы заблудились. У нас теперь много народа – мои дети и Кузминских, и часто я без ужаса не могу видеть эту безнравственную праздность и обжирание. Их так много, они все такие большие, сильные. И я вижу и знаю весь труд сельский, который идет вокруг нас. А они едят, пачкают платье, белье и комнаты. Другие для них все делают, а они ни для кого, даже для себя – ничего. А это всем кажется самым натуральным и мне так казалось; и я принимал участие в заведении этого порядка вещей. Я ясно вижу это и ни на минуту не могу забыть. Я чувствую, что и для них trouble fete, но они, мне так кажется, начинают чувствовать, что что-то не так. Бывают разговоры – хорошие. Недавно случилось: меньшая дочь заболела, я пришел к ней, и мы начали говорить с девочками, кто что делал целый день. Всем стало совестно рассказывать, но рассказали и рассказали, что сделали дурное. Потом мы повторили это на другой день вечером и еще раз. И мне бы ужасно хотелось втянуть их в это – каждый вечер собираться и рассказывать свой день и свои грехи. Мне кажется, что это было бы прекрасно, разумеется, если бы это делалось совершенно свободно».

По поводу сапожной работы, о которой Лев Николаевич упоминает в начале письма и которую он, очевидно, затевал в обществе с кем-нибудь, сохранилась его записка-поручение одному другу в Москве:

«Простите, голубчик, что утруждаю вас. На Софийке (на улице, параллельной Кузн. М.) лучший магазин. Купите молотков, клещей, шильев-форшиков, ножей, инструмент соскребать гвозди и т. п. Но хитрых штук для элегантной обуви не покупайте. Колодки купите или там же, или в переулке с Арбата загнутым ходом, выходящим на Подновинский; в подвале, направо, живет колодник. Если останутся деньги, купите пряжи, щетинок, гвоздей, вару. Эти хорошие вещи нужны».

18 июля 1884 г. родилась дочь Саша. Когда я в первый раз был у Л. Н-ча, она была грудным ребенком. Теперь я вижу ее взрослой девушкой, преданно и самоотверженно служащей отцу, заведующей его корреспонденцией, переписывающей его рукописи и сознательно признающей основы жизни своего великого отца¹.

Отношения Л. Н-ча с семьей были в это время трудные. Ему хотелось коренным образом изменить свою жизнь, но окружающие его, близкие ему люди, не были готовы к этому, и это вызывало страдания и с той и с другой стороны. Когда эти трудности, эти страдания принимали характер безнадежности, у Л. Н-ча являлась мысль покинуть дом. Такая мысль явилась у него и накануне рождения Саши. В дневнике 1884 г., 17–29 июня, мы находим между прочим такую запись:

«Я ничего не сказал, но мне стало ужасно тяжело. Я ушел и хотел уйти совсем, но ее беременность заставила меня вернуться с половины дороги в Тулу».

Такова была первая попытка «ухода».

К осени в душе Л. Н-ча наступает некоторое равновесие. Он так выражает это в письме к Черткову в ноябре этого года:

«Я спокоен, и мне и вокруг меня хорошо. Жизнь моя не та, какую я одну считаю разумной и не грешной, но я знаю, что изменить ее сил у меня нет, я уже пытался и обломал руки, и знаю, что я никогда или очень редко упускаю случай противодействовать этой жизни там, где противодействие это никого не огорчает».

И далее в том же письме он сообщает о новом знакомстве:

«Скоро после вас был у меня Сютяев-сын, тот, который был в солдатах. Он два с половиной года пробыл в крепости, из них 5 месяцев был в сумасшедшем доме на испытании, и полтора года отслужил, но не присягал. Вы его видели. Его зовут Иван, маленький ростом. Мы с ним во всем согласны, кроме внебрачных отношений, которые он считает не грехом. Он, впрочем, согласен, что это зло. Он пробыл у меня 3 дня, и мы полюбили друг друга. Я тут говорил, что я бы его истолок с вами в ступе и сделал бы из вас двух людей прелестных. Разумеется, это вздор, и Бог знает лучше, и вы лучше, какой вы есть».

В конце письма он прибавляет:

«Еще получил «В чем моя вера?», напечатанное по-немецки и прекрасно переведенное. Ничего еще не знаю о том, отозвалось ли оно там в ком-нибудь. Это была радость для меня больше дурная, тщеславная».

К умственной деятельности Л. Н-ча того времени следует отнести его занятие китайской философией. В письмах к Черткову он много раз выражает свой восторг перед глубиной мудрости древних китайских философов. Он читает Конфуция, Менция, Лао-Цзы и находит в них много общего с христианством, только на низшей ступени; но именно поэтому он и считает чтение китайской мудрости полезным подготовлением к пониманию христианства.

¹ С тех пор как это было написано, на долю Александры Львовны выпало исполнение воли ее умершего отца. Она ее отчасти исполнила, передав яснополянскую землю крестьянам, а изданные сочинения своего отца – всему миру. (П. Б.)

Осенью того же года я получил от моего друга Владимира Григорьевича Черткова предложение принять участие, в качестве редактора, в журнале для народа, который он тогда хотел издавать. Я ответил принципиальным согласием, но дело представлялось слишком сложным и у нас затеялась по этому поводу большая переписка со Львом Николаевичем и со многими выдающимися людьми того времени, так или иначе казавшимися нам компетентными в этом деле.

3-го октября Лев Николаевич писал между прочим Черткову:

«...Мысль вашего журнала мне очень, очень сочувственна. Именно потому, что она слишком дорога мне, я боюсь возлагать на нее надежды. Что я буду желать только писать туда – это верно.

Вот что: о программе не думайте. Сделайте только такую, которая бы была одобрена. Программа журнала будет видна через три года его издания. А что вы хотите в журнале, это мы знаем очень твердо. Коротко сказать: чтение ни в чем не противное христианскому учению, и если Бог даст, выражающее это учение; чтение, доступное массе. Новое, если будет, то прекрасно, но прежде нового надо дать все старое, что удовлетворяет этим требованиям. А эта сокровищница не исчерпана и не почата. Согласны?»

Кроме того, в письмах ко мне он не раз высказывается о народном журнале. Привожу здесь эти мысли:

«...Насчет редакторства будущей газеты я думаю, что вы будете прекрасный редактор, но Чертков еще лучше. Вы во многих отношениях будете лучше его, но в одном, в пуризме христианского учения, никого не знаю лучше его. А это самое дорогое».

И дальше:

«...Как жаль, что вы не могли приехать, дорогой Павел Иванович. Журнал очень вызывает меня к деятельности. Не знаю, что Бог даст. Пришлите, пожалуйста, программу, если у вас есть. Меня смущает научный отдел. Это самое трудное. Как раз выйдет пошлость. А этого надо бояться больше всего.

Язык надо бы по всем отделам держать в чистоте, – не то, чтобы он был однообразен, а напротив, чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту. Пусть будет язык Карамзина, Филарета, попа Аввакума, но только не наш газетный. Если газетный язык будет в нашем журнале, то все пропало».

Так как вопрос о периодическом органе для народа представлял неисчислимые трудности сравнительно с отдельными изданиями, то, естественно, пришлось сначала заняться более легким делом и приступить к отдельным изданиям. Л. Н-ч принял в этом деле самое горячее участие. Инициатива этого дела также принадлежала Л. Н-чу. Еще в конце 1883 года Л. Н-ч писал между прочим Черткову:

«Я увлекаюсь все больше и больше мыслью издания книг для образования русских людей. Я избегаю слова «для народа», потому что сущность мысли в том, чтобы не было деление народа и не народа. Писарев принимает участие. Не верится, чтобы вышло, боюсь верить, потому что слишком было бы хорошо. Когда и если дело образуется, я напишу вам».

В следующем письме, вероятно, написанном в январе 1884 года, Л. Н-ч говорит об этом:

«Мое занятие книгами все больше и больше захватывает меня. Хотелось бы отплачивать, чем могу, за свои 50-тилетние харчи. Не пишу вам подробно, потому что кое-как рассказать не хочется, а мысль мне дорога, да еще и подвергнется многим изменениям, когда начнется самое дело».

И вот на это предложение В. Г. Чертков отвечал проектом народного журнала. Как вы видели, этот проект пришлось оставить и заняться изданием отдельных книжек.

Участие и руководство Л. Н-ча сделало предпринятое нами дело настолько значительным, что начатое нами скромное издательство создало эпоху в истории народной литературы и произвело в ней важную реформу.

Сущность реформы заключалась в следующем: народная литература, то есть та литература, которую читает масса рабочего, крестьянского народа добровольно без всякого административного и благотворительного или педагогического насилия над ним и вне культурного влияния интеллигенции, приобретаемая им на собственные деньги, распространялась еще в то время (начало 80-х годов прошлого столетия) при посредстве коробейников, носивших свои товары в лубочных ящиках, и потому она называлась лубочною. Она удовлетворяла известной потребности чтения, заключая в себе житие святых, героические поэмы, сказки, рыцарские романы, сонники, письменники, анекдоты Балакирева, разные песенники и календари.

Издатели лубочной литературы преследовали исключительно коммерческие цели. Для удешевления товара и увеличения барыша они пренебрегали обработкой содержания, и поэтому их издания не только были безграмотны, но иногда содержали в себе повести без конца или без начала, иногда название на обложке не соответствовало содержанию книжки, и самое содержание было смесью суеверия, грубых сцен и нелепостей.

Но потребность к чтению была так сильна, и интеллигенция так мало удовлетворяла ее, что народ питался этой скудной умственной пищей в тщетном многолетнем ожидании лучшей.

И вот кружок людей, вдохновляемый Л. Н-чем, принялся за преобразование этой литературы.

Мы уже видели из письма Л. Н-ча к г-же Пейкер по поводу издания народного журнала, с какою строгостью, серьезностью и любовью Л. Н-ч относился к народной литературе. Это письмо было написано в 1873 году. В 1885 году Л. Н-ча посетил Г. П. Данилевский. В описании своей поездки в Ясную Поляну Г. П. так передает слова Л. Н-ча о народной литературе:

«Коснувшись Гоголя, которого Л. Н-ч в своей жизни никогда не видел, и ныне живущих писателей, Гончарова, Григоровича и более молодых, граф заговорил о литературе для народа. «Более тридцати лет назад, – сказал Л. Н-ч, – когда некоторые нынешние писатели, в том числе и я, начинали только работать, в стомиллионном русском государстве грамотные считались десятками тысяч; теперь, после размножения сельских и городских школ, они, по всей вероятности, считаются миллионами. И эти миллионы русских грамотных стоят перед нами, как голодные галчата с раскрытыми ртами, и говорят нам: господа родные писатели, бросьте нам в эти рты достойной вас и нас умственной пищи; пишите для нас, жаждущих живого, литературного слова, избавьте нас от все тех же лубочных Ерусланов Лазаревичей, Милордов, Георгов и прочей рыночной пищи. Простой и честный русский народ стоит того, чтобы мы ответили на призыв его доброй и правдивой души. Я об этом много думал и решился, по мере сил, попытаться на этом поприще».

И попытки Л. Н-ча увенчались большим успехом.

Успеху дела «Посредника» – такое название принял этот литературный издательский кружок – способствовало то обстоятельство, что в его деле соединились три весьма значительные силы. Во-первых, самое важное – это высокий нравственный уровень содержания издаваемых произведений. Все они должны были с той или иной стороны освещать учение Христа, принимаемое в его самом простом, непосредственном жизненном значении.

Во-вторых, к этому делу были привлечены тогда лучшие литературные силы.

В-третьих, не было создано никакой искусственной организации, практическую сторону дела взял на себя один из крупных в тогдешнее время издателей лубочной литературы – Иван Дмитриевич Сытин, своим проницательным умом понявший всю важность этого дела. А искра света, живущая в душе его, дала ему возможность отнестись к нему не механически и не корыстно, а с сердечным сочувствием. Главный практический успех этого дела был следствием того, что высокое содержание, исполненное лучшими силами, было пущено по тем же путям, по которым шла ранее прежняя лубочная литература, и потому она дошла до места и сделала свое дело.

Л. Н-ч отдал в распоряжение редакции «Посредника» свои народные рассказы, уже раньше написанные им: «Чем люди живы?», «Кавказский пленник» и «Бог правду видит, да не скоро скажет». Произведения эти благодаря «Посреднику» известны теперь всему русскому народу и даже инородцам, так как они переведены на различные наречия, даже на сартский язык.

Вместе с тем было получено разрешение от Н. С. Лескова напечатать его рассказ «Христос в гостях у мужика». Это была первая серия из 4-х книжек, этих лучших произведений русской литературы, изданных в виде лубочных изданий и по той же цене, т. е. 1,5 коп. розничная цена и 1 коп. оптовая. Все эти рассказы выдержали в короткое время по несколько изданий, и число выпущенных экземпляров надо считать сотнями тысяч, если не миллионами, так как впоследствии их издавали и многие другие издатели.

Вскоре явилась потребность иметь собственный книжный склад, и он был открыт в Петербурге, на Петербургской стороне, на Большой Дворянской улице в д. № 25, 25 апреля 1885 года. Заведование этим складом было поручено мне. Я вышел в отставку и переехал жить в склад, с которым и не разлучался в течение 5 лет.

Л. Н-ч, со своей стороны, занялся разработкой слышанных им или записанных народных легенд, выборкой из четьи-минеи и прологов и вскоре дал «Посреднику» целый ряд народных рассказов.

Чтобы показать, какой интерес проявлял Л. Н-ч к издательской деятельности «Посредника», приведем несколько извлечений из его переписки с В. Г. Чертковым и со мной в первое время нашей издательской деятельности. Он сам писал рассказы, давал новые темы и поправлял работы начинающих писателей, если находил их достойными. Исправление было для него делом самым трудным. Он увлекался иногда сюжетом и переделывал так, что от оригинала почти ничего не оставалось. Тогда он приходил в ужас, возвращался к оригиналу и в отчаянии скромно сознавался в своей несостоятельности. Одной из его любимых книжек была «Жизнь Сократа». Он над ней очень много работал. Так, он писал Черткову летом 1885 года:

«С Сократом случилась беда. Я стал переделывать, стал читать Платона и увидел, что все это можно сделать лучше. Сделать я всего не сделал, но все измарал, и калмыковское, и свое, и запутал и остановился пока. Я писал об этом Калмыковой и жду ее ответа. Можно напечатать, как было, ее изложение, и потом вновь переделать его; но можно и, по-моему лучше, не торопиться и с ней вместе обдумать и исправить. Удивительное учение – все то же, как и Христос, только на низшей ступени. И потому особенно драгоценно. Если ясно выразить то, до чего дошло учение истины на низшей ступени, то очевидно будет, что оно могло пойти дальше в том же направлении (как оно и было), а не пойти назад, как это выходит по церковным толкованиям. Бог нас наставит, как лучше, но теперь не готово».

В области лубочных картин так же была предпринята реформа, и к этому делу были привлечены лучшие силы.

Между прочим, И. Е. Репин оказал этому делу незаменимую услугу, нарисовав акварелью фигуру страдающего Христа для одной лубочной картины и несколько других картин и рисунков для книг.

Вот в каких выражениях Л. Н-ч благодарил Репина в том же письме к Черткову, указывая кроме того на безвестных героев, сведения о которых следует распространять в народе. В мае 1885 года он писал:

«Радость великую мне доставил Репин. Я не мог оторваться от его картинки и умилился. Буду стараться, чтобы передано было, как возможно лучше. Посылаю вам черновую моего рассказа. Извините, что измарано. Я отдам ее набрать завтра. Равно и «Сапожника». Только картинок нет к поджигателю. Не заказать ли кому в Москве? Нынче пришла мне мысль картинок героев с надписями. У меня есть два. Один – доктор, высосавший яд дифтеритный. Другой – учитель в Туле, вытаскивавший детей из своего заведения и погибший в пожаре. Я соберу

сведения об этих и, если Бог даст, напишу тексты и закажу картинки и портреты. Подумайте о таких картинках героев и героинь. Их много, слава Богу. И надо собирать и прославлять в пример нам. Эту мысль нынче мне Бог дал, и она меня ужасно радует. Мне кажется, она может дать много. Репину, если увидите, скажите, что я всегда любил его, но это лицо Христа связало меня с ним теснее, чем прежде. Я вспомню только это лицо и руку, и слезы навертываются. Калмыкова была и читала то, что она поправила и прибавила. Эта книга будет лучше всех, т. е. значительнее всех».

В одном письме он высказывается Вл. Гр. Черткову о важности книг, о мудрецах и пишет так:

«Есть другие знания – знание того, что делали до нас и теперь делают люди для того, чтобы понять жизнь и смысл ее, т. е. свое отношение к бесконечному и к людям. Это очень нужно. И те знания, которые я приобрел в этой области и приобретаю теперь, мне много дали и дают спокойствия, твердости и счастья. И этих знаний и вам желаю. Не оттого, чтобы я думал при этом о каком-нибудь недостатке в вас. Я слишком люблю вас для этого, а оттого, что я по себе знаю, какую это придает силу, спокойствие и счастье – входить в общение с такими душами, как Сократ, Эпиктет, Arnold, Паркер. Странно это сопоставление, но для меня оно так. Я благодаря «Сократу» Калмыковой перечитываю стоиков и много приобрел. Это – азбука христианской истины, и, читая их, я только больше убеждаюсь в христианстве. Все их учение в том, чтобы класть все благо в том, что от меня зависит, в чем я свободен – в справедливости, добром расположении к людям, в чистоте нравственной, а все дела внешние – общественное мнение, богатство, здоровье, жизнь тела – считать не моим. Этим распоряжается Бог, Отец мой, а не я. И мое дело только по отношению этого – хотеть, желать то, чего Он хочет. Тогда, говорит, ты будешь счастлив, чувствуя, как ты с каждым часом будешь приближаться к Нему, где все благо. Ну, разве это не прекрасно? Недосказано только то (да и то есть намеки), что для этого надо любить не себя, а других, то, что сказал Христос. Очень бы мне хотелось составить «Круг чтения», т. е. ряд книг и выборки из них, которые все говорят про то одно, что нужно знать человеку, прежде всего – в чем его жизнь, его благо...»

Вот еще когда зародилась во Л. Н-че мысль о «Круге чтения», которую он осуществил много лет спустя, за четыре года до своей смерти.

Приблизительно в то же время он писал мне:

«Вчера получил от Чер. длинное письмо из Берлина и посылку с рукописью Свешниковой из Петербурга. Содержание статьи прекрасное. Не опасно ли? Не только ввиду запрещения, но и ввиду возможности упрека в направлении. Вам – виднее. Поправлять ее я не стал и прибавлять заключения. Язык однохарактерный и в разговорах даже очень прост и чувствуется Нуго, т. е. великий мастер. Заключение всякое будет или ложно, или нецензурно. Заключение одно: Симурден думал, что он знает, что хорошо и что дурно, что он это узнает, следуя законам правительства: но убийство его друга показало ему, что по законам, – хорошим называется дурное и дурным хорошее, и он потерял бывшую у него веру. Новую же веру он не стал, не мог искать, потому что он чувствовал, что она совсем противоположна его прежней вере и что обличит его в непоправимом поступке. Так повесился Иуда. И так убиваются все, кто убиваются. Пока инерция лжи и сознание истины действуют под углом меньше двух прямых, жизнь идет по равнодействующей, но когда эти две силы станут по одной линии, жизнь прекращается и раздирается по своей ли или по чужой воле.

Сократа я пачкаю и порчу и даже запутался в нем, и потому не присылаю. Я им очень дорожу и надеюсь, что мы с А. М. Калмыковой доведем это до еще много лучшего. Я ей писал и жду ответа. Вот именно почему страшно издавать такие зазорные и не совсем понятные по языку статьи, как переделка В. Гюго. Как бы они не помешали возможности издать Сократа. А то так бы было полезно. Я на днях выпишу страницы из отмеченных житий святых Дм. Ростовского, как мне пишет В. Г., и пришлю вам.

...Житие Петра Мытаря надо бы изложить и издать. Беликов не сделал ли бы этого? Я было начал делать из него народную драму, но затерял начало, да если бы и нашел, то постарался бы закончить в драматической форме. Житие Павлина прекрасно. Какие другие два? Можно бы присоединить и Петра М. Почему их издавать без рамки, как пишет Чертков? Я написал один рассказ, еще не поправил. Он ничего не имеет, нецензурного, и потому, когда кончу, прямо отдам его Сытину.

...Что картинки? Неужели не пропустят? Да и вообще, почему другие не выходят? Я писал об этом Сытину. Еще я писал ему, чтобы он выслал вам переписанные мои два рассказа, новые, для того, чтобы заказать к ним картинки. Чертков писал мне о том, что Крамской обещал. Это было бы очень хорошо. Благодарю за ваши письма, особенно за предпоследнее, оно мне было радостно. Передайте мой привет Александре Михайловне. Она прекрасный сотрудник. Что Сократ?

Посылаю письмо В. Г. Письмо хорошее, но о предмете этого письма можно и должно сказать кое-что, если говорить о художественном произведении – о книжке. Например, я теперь поправляю рассказ бабы, поехавшей в Сибирь за мужем. Это вся развратная жизнь и лживая, и в ней высокие черты. Нельзя и не должно скрывать лжи, неверности и дурное. Надо только осветить все так, что то – страдания, а это – радость и счастье.

Не правда ли так, В. Г. и П. И.?»

Глава 2. «Так что же нам делать?»

Мы еще вернемся не раз к деятельности «Посредника», так как жизнь Л. Н-ча часто захватывала ее и направляла ее на истинный путь. Кроме народной литературы, в конце 1884 и в начале 1885 годов Л. Н-ч был занят печатанием своей статьи, вышедшей потом отдельной книгой под заглавием «Так что же нам делать?»

Мы уже упоминали об этой замечательной книге по поводу участия Льва Николаевича в московской переписи. Первые главы этой книги, действительно, посвящены воспоминаниям о переписи, но остальная, большая часть книги содержит в себе яркие, сильные критические изображения современного экономического неравенства, анализ причин этого явления, указания на возможность избавления от него и изображение личного опыта в этом отношении самого Л. Н-ча. Он начал ее еще в апреле 1884 года. В письме к Черткову того времени он говорит:

«Я начал печатать в «Русской мысли» свою статью о том, что вышло из моей статьи и переписи (я говорил вам), но не знаю, кончу ли. Развиваются другие мысли. Я начинаю чувствовать себя более бодрым, чем последнее время, и хотелось бы период этой бодрости употребить на дело Божье».

В переписке Софьи Андреевны с ее сестрой Т. А. Кузминской мы находим указания на эту работу.

23 декабря 1884 года С. А. пишет:

«Левочка в очень хорошем духе; пишет свою статью о бедности города и деревни и спешит кончить к январской книге. Уже начали печатать».

9 января 1885 года она пишет:

«...Левочка печатает свою статью в январе в «Русской мысли» и весь ушел в свою работу; но печи все топят сам и комнату убирает и сам все делает».

И далее около того же времени С. А. пишет:

«Левочка кончает свое печатание, которое сожгут, но все-таки очень надеюсь, что он успокоится и не будет больше писать в этом роде».

К счастью для всего человечества, Л. Н-ч не успокоился и продолжал до конца своей жизни писать все в одном и том же роде.

Но предположение С. А. оправдалось в другом отношении. Статья Льва Николаевича была действительно вырезана цензором и уничтожена. Конечно, она сохранилась в корректурных оттисках, с которых было сделано множество всевозможных копий, разошедшихся по России и за границей.

Владимир Григорьевич Чертков, уже тогда преданный распространитель произведений Л. Н-ча нового направления, особенно ревностно относился к точности не только содержания, но и внешней формы произведения. Статья, озаглавленная «Так что же нам делать?», очевидно, должна была давать ответ на поставленный в заглавии вопрос. Но первые 17 глав, которые были напечатаны в «Русской мысли» и стали распространяться отдельно, не заключали еще в себе ответа на этот вопрос, и, стало быть, для этой части заглавие не соответствовало содержанию. Поэтому, когда Влад. Григорьевичу предложили напечатать это произведение за границей, он предоставил в распоряжение издателя копию, причем просил заменить прежнее заглавие новым, выработанным им с согласия Л. Н-ча: «Какова моя жизнь?». Под этим заглавием это произведение и было напечатано в первый раз по-русски Эллидиным в Женеве. Но так как это произведение распространялось и помимо В. Г. Черткова, то многим оно попало в руки под прежним заглавием, и даже появились два разных перевода на французский язык одного и того же произведения под разными названиями. Подобную судьбу испытали и некоторые другие произведения Л. Н-ча, расхивившиеся подпольным путем.

После запрещения начала статьи в «Русской мысли» Л. Н-ч продолжал работать над ней. Последнюю из напечатанных глав, а именно 17, затрагивающую вопрос о деньгах, Л. Н-ч развил в 5 самостоятельных глав, анализируя в них вопрос о деньгах с разных сторон. Эти 5 глав «о деньгах» также распространились отдельно в многочисленных копиях под видом отдельного произведения Л. Н-ча «Деньги», и так было переведено на многие языки.

Наконец, третья часть этой книги, когда Л. Н-ч кончил ее писать, стала опять распространяться под прежним заглавием «Так что же нам делать?».

Кроме того, издатель «Русского богатства» покойный Л. Е. Оболенский, желая включить имя Л. Н-ча в число своих сотрудников, получил разрешение от Л. Н-ча напечатать в своем журнале отрывки из его книги, на которые согласится цензура; таким образом в «Русском богатстве» за 1885 г. появился ряд очерков Л. Н-ча: «Жизнь в городе», «Из воспоминаний о переписи», «Деревня и город» и затем в 1886 году «Труд мужчин и женщин». Многими читателями все эти очерки были приняты за самостоятельные произведения Л. Н-ча. Они переводились на иностранные языки, и в одном из переводов для французского журнала *Illustration* они были талантливо иллюстрированы Ильей Ефимовичем Репиным.

Только очень недавно книга эта была издана в полном виде Чертковым, в Крайст-Черче, и затем появился французский перевод в издании Стока в Париже. В настоящее время эта статья включена в полное собрание соч. Л. Н-ча и издана в России в исправленном и дополненном виде.

Такова внешняя история этой книги. Перейдем теперь к ее внутреннему содержанию. Мы не будем здесь излагать подробно и шаг за шагом ее содержание. Книга эта теперь стала доступна всем. Нам важно уловить в ней основную идею, те руководящие мысли, в которых отразилась духовная жизнь Л. Н-ча того времени. Нас интересует, так сказать, биографическая сторона этой книги не в узком смысле подчеркивания автобиографических фактов, а именно как отражение внутренней, духовной сущности автора ее.

Как уже было сказано, внешним поводом написания этой книги послужила московская переписка 1882 года. И потому первые 12 глав книги действительно посвящены воспоминаниям о переписи. Содержание их нами уже передано во II томе биографии.

XII глава написана, очевидно, в 1885 году, так как в ней говорится о переписи как о событии, бывшем три года назад.

Л. Н-ч кончает главу рассказом, как он видел, как мясник точит свой нож о тротуар, а ему показалось, что он делает что-то с камнем. Беря этот образ отточенного ножа за символ остроты сознания истины, Л. Н-ч так заключает эту главу:

«Это случилось со мной, когда я начал писать статью. Мне казалось, что я все знаю, все понимаю относительно вопросов, которые вызвали во мне впечатление Ляпинского дома и переписи; но когда я попробовал сознать и изложить их, оказалось, что нож не режет, что нужно точить его. И только теперь, через три года, я почувствовал, что нож мой отточен настолько, что я могу разрезать то, что хочу. Узнал я нового очень мало. Все мысли мои те же, но они все были тупее, все разлетались и не сходились к одному; не было в них жала, все не свелось к одному, к самому простому и ясному решению, как оно свелось теперь».

Далее в XIII главе он изображает свой внутренний процесс истинного познания причин экономического неравенства.

«Я помню, что во время моего неудачного опыта помощи несчастным городским жителям я сам представлялся себе человеком, который бы желал вытащить другого из болота, а сам бы стоял на такой же трясине. Всякое мое усилие заставляло меня чувствовать непрочность той почвы, на которой я стоял. Я чувствовал, что я сам в болоте, но это сознание не заставило меня тогда посмотреть ближе под себя, чтобы узнать, на чем я стою; я все искал внешнего средства, вне меня находящегося.

Я жил в городе и хотел исправить жизнь людей, живущих в городе, но скоро убедился, что я этого не могу сделать; и я стал задумываться о свойствах городской жизни и городской бедности».

Что такое город? Из кого слагаются жители его и что их влечет туда? На этот естественный вопрос, возникающий у человека, вдумывающегося в причины городской нищеты, Л. Н-ч отвечает так:

«Везде по всей России да, я думаю, и не в одной России, а во всем мире происходит одно и то же. Богатства сельских производителей переходят в руки торговцев, землевладельцев, чиновников, фабрикантов, и люди, получившие эти богатства, хотят пользоваться ими. Пользоваться же вполне этими богатствами они могут только в городе. В деревне, во-первых, трудно найти по раскинутости жителей удовлетворение всех потребностей богатых людей, нет всякого рода мастерских, лавок, банков, трактиров, театров и всякого рода общественных увеселений. Во-вторых, одно из главных удовольствий, доставляемых богатством, – тщеславие, желание удивить и перещеголять других, опять по раскинутости населения с трудом может быть удовлетворяемо в деревне. В деревне нет ценителей роскоши, некого удивить. Какие бы деревенский житель ни завел себе украшения жилища, картины, бронзы, какие бы ни завел экипажи, туалеты, – некому смотреть и завидовать, мужики не знают во всем этом толку. И, в-третьих, роскошь даже неприятна и опасна в деревне для человека, имеющего совесть и страх. Неловко и жутко в деревне делать ванны из молока или выкармливать им щенят, тогда как рядом у детей молока нет; неловко и жутко строить павильоны и сады среди людей, живущих в обваленных навозом избах, которые топить нечем. В деревне некому держать в порядке глупых мужиков, которые по своему необразованию могут расстроить все это.

И поэтому богатые люди скопляются вместе и пристраиваются к таким же богатым людям с одинаковыми потребностями в города, где удовлетворение всяких роскошных вкусов заботливо охраняется многолюдной полицией.

Богатые люди собираются в города и там, под охраной власти, спокойно потребляют все то, что привезено сюда из деревни. Деревенскому же жителю отчасти необходимо идти туда, где происходит этот непрерывающийся праздник богачей и потребляется то, что взято у него, с тем, чтобы кормиться от тех крох, которые спадут со стола богатых, отчасти же, глядя на беспечную, роскошную и всеми одобряемую и охраняемую жизнь богачей, и самому желательно устроить свою жизнь так, чтобы меньше работать и больше пользоваться трудами других».

И главный рычаг этого развращения, этой гибели – это деньги.

На деньгах Л. Н-ч останавливается особенно долго, считая самое учреждение денег новой утонченной формой рабства.

«Всякое порабощение одного человека другим, – говорит Л. Н-ч, – основано только на том, что один человек может лишить другого жизни, и, не оставляя этого угрожающего положения, заставить другого исполнить свою волю».

И вот он замечает, что в истории человечества сменялись один за другим три вида рабства:

- 1) Рабство личное, физическое.
- 2) Рабство земельное, насилие собственности.
- 3) Рабство денежное, государственное, насилие податей, кредита и найма.

Первый вид рабства, состоящий в том, что более сильный физически заставлял под угрозой побоев и смерти работать на себя, широко применялся в древности, встречается и теперь изредка среди нашего так называемого цивилизованного общества и еще довольно часто применяется европейскими цивилизаторами к другим расам в европейских колониях.

Второй вид рабства, земельный, состоит в том, что люди получали некоторую внешнюю свободу, но без права на землю, и за пользование землей платили барщиной, натурой или чем иным.

Этот вид рабства еще широко распространен и он уже сменяется третьим, еще более утонченным, рабством денежным, состоящим в наложении на народ денежных податей, для добывания которых народ должен или отдавать часть своих произведений, или прямо свой труд тем, у кого есть деньги, т. е. чиновникам и богатым людям.

Этот вид рабства, особенно широко распространяющийся теперь, вытесняющий постепенно два первые, возможен только при усовершенствованном государственном насилии с его банками, тюрьмами, администрацией и войском.

Деньги представляют из себя легкий способ обеспечения, т. е. освобождения от труда. Денежный знак, по определению Л. Н-ча, есть постоянный вексель, предъявляемый ко взиманию и погашаемый трудом бедняка.

«Все три способа порабощения людей не переставали существовать и существуют и теперь; но люди склонны не замечать их, как скоро этим способам даются новые оправдания. И что странно, что именно этот самый способ, на котором в данное время все зиждется, этот винт, который держит все, — он-то и не замечается».

Кроме того все это ужасное состояние насилия, злобы, разврата поддерживается и оправдывается ложными эгоистическими теориями, служащими привилегированному меньшинству, поддерживаемому насилием власти. И сколько бы ни уничтожалось рабство на словах, оно не может уничтожиться на деле, пока не будет уничтожено насилие.

«Покуда будет один вооруженный человек с признанием за ним права убить какого бы то ни было другого человека, до тех пор будет неправильной распределение богатства, т. е. рабство».

Затем Л. Н-ч снова перебирает все неудачи своей благотворительности и резюмирует эти неудачи в трех пунктах:

«Первая причина была скопление в городах и поглощение в них богатств деревни. Стоит только человеку не желать пользования чужим трудом посредством службы правительству, владения землею и деньгами и потому по силе возможности самому удовлетворять своим потребностям, чтобы ему никогда и в голову не пришло уехать из деревни в город, где все есть произведение чужого труда, где все надо купить; и тогда, в деревне, человек будет в состоянии помогать нуждающимся и не испытает того чувства беспомощности, которое я испытывал в городе, желая помогать людям не своим, а чужим трудом.

Вторая причина была разделение богатых с бедными. Стоит только человеку не желать пользоваться чужим трудом посредством службы, владения землею и деньгами, и человек будет поставлен в необходимость сам удовлетворять своим потребностям, и тотчас же невольно разрушится та стена, которая отделяет его от рабочего народа, и он сольется с ним, и станет плечо в плечо с ним, и получит возможность помогать ему.

Третья причина был стыд, основанным на сознании безнравственности моего обладания теми деньгами, которыми я хотел помогать людям. Стоит человеку не желать пользоваться чужим трудом посредством службы, владения землею и деньгами, и у нас никогда не будет тех лишних дурашных денег, присутствие которых у меня вызвало в людях, не имеющих денег, требования, которым я не мог удовлетворить, — а во мне чувство сознания своей неправоты».

Л. Н. дает яркую картину последствий этого насилия, этого рабства одного человека над другим, в городе и в деревне, где господа постарались устроить подобие города.

Как случилось с людьми то, что многие из них, добрые, умные, искренние, религиозные, могут жить в этом соблазне, в этом аду ненависти и злобы?

Причину этого Л. Н-ч видит в том, что слабые люди оправдывают несправедливость своей жизни господствующими учениями.

«В прежние времена люди, пользовавшиеся трудом других, утверждали, во-первых, что они люди особенной породы и, во-вторых, имеют особенное назначение от Бога заботиться о благе отдельных людей, т. е. управлять ими и учить их, и потому они уверяли других и часто

верили сами, что то дело, которое они исполняют, нужнее и важнее для народа, чем те труды, которыми они пользовались.

Но с христианством и вытекающим из него сознанием равенства и единства всех людей оправдание это уже не могло быть выставляемо в прежней форме».

И вот одна за другой являются теории оправдания людской несправедливости. Являются учение Гегеля о разумности существующего, разные науки юридические, учение Мальтуса о перенаселении, учение Конта о человечестве как организме, философия Спенсера и пр.

Указание на виновность науки в оправдании насилия вызвало в интеллигентном обществе обвинение Л. Н-ча в отрицании науки и искусства. Интеллигентные люди не хотели видеть и читать следующих знаменательных слов его:

«Я не только не отрицаю науку, т. е. разумную деятельность человеческую, и искусство – выражение этой разумной деятельности, но я только во имя этой разумной деятельности и выражений ее говорю то, что я говорю, только для того, чтобы была возможность человечеству выйти из того дикого состояния, в которое оно быстро падает благодаря ложному учению нашего времени, только для того я и говорю то, что я говорю.

Науки и искусство так же необходимы для людей, как пища, и питье, и одежда, даже необходимее».

И затем Л. Н-ч определяет, что он понимает под истинной наукой и искусством.

«С тех пор, как существуют люди, у них всегда была наука в самом ее простом и широком смысле. Наука, в смысле всех знаний человечества, всегда была и есть, и без нее немислима жизнь: ни нападать на нее, ни защищать ее нет никакой надобности. Но дело в том, что область этих знаний так разнообразна, так много входит в нее знаний всякого рода – от знаний, как добывать железо, до знаний движения светил, – что человек теряется в этих знаниях, если у него нет руководящей нити, по которой бы он мог решать, какое из всех знаний самое важное для него и какое менее важно.

И потому высшая мудрость людей всегда состояла в том, чтобы найти ту руководящую нить, по которой должны быть расположены знания людей: какое из них первой, какое меньшей важности.

Те знания и искусства, которые содействовали и ближе подходили к основной науке о назначении и благе всех людей, становились выше в общем мнении.

Такова была наука Конфуция, Будды, Моисея, Сократа, Христа, Магомета, наука такая, какую ее разумеют все люди, за исключением нашего кружка так называемых образованных людей.

У истинной науки и истинного искусства есть два несомненные признака: первый – внутренний, тот, что служитель науки и искусства не для выгоды, а с самоотвержением будет исполнять свое призвание, и второй – внешний, тот, что произведения его понятны всем людям, благо которых он имеет в виду».

И снова Л. Н-ч восклицает: «Так что же нам делать? Что же нам делать?» – и отвечает так:

«Первое: не лгать перед самим собой; как бы ни далек был мой путь жизни от того истинного пути, который открывает мне разум, – не бояться истины.

Второе: отречься от сознания своей правоты, своих преимуществ, особенностей перед другими людьми и признать себя виноватым.

Третье: исполнить тот вечный, несомненный закон человека – трудом всего существа своего бороться с природою для поддержания жизни своей и других людей».

В заключительной главе Л. Н-ч обращается к женщинам как к той половине рода человеческого, в руках которых находится воспитание подрастающего поколения. В их руках, в их власти дать то или другое направление детям, и так как общественное мнение устанавливается привилегированным классом, то он обращается, главным образом, к матерям богатого класса и говорит так:

«Женщины-матери богатых классов, спасение людей нашего мира от зол, которыми он страдает, в ваших руках».

Чтобы хорошо понять содержание этой главы и форму ее изложения, нужно вспомнить, что в 1885 году, именно тогда, когда Л. Н-ч писал эту книгу, он получил сочинение, а потом и вошел в переписку с автором этого сочинения, крестьянином Тимофеем Михайловичем Бондаревым. Сочинение это, по признанию самого Льва Николаевича, многое открыло ему и, несомненно, повлияло на развитие его взглядов.

Вот что он сам говорит об этом в своей книге «Так что же нам делать?»:

«В библии сказано как закон человека: «В поте лица снеси хлеб и в муках родиши чада.

Мужик Бондарев, написавший об этом статью, осветил для меня мудрость этого изречения».

Сущность взглядов Бондарева заключалась в том, что он считал самым для человека важным исполнение первородной заповеди Бога: мужчине – «В поте лица снеси хлеб свой», а женщине – «В болезнях родиши чада своя». Не исполнив этих первых заповедей, говорит Бондарев, нельзя исполнить и остальных. Мы еще вернемся к описанию отношения Л. Н-ча к этому замечательному человеку, а теперь мы упомянули о нем только для того, чтобы уяснить себе заключительную главу Л. Н-ча: «О женщинах». «Подобно тому, как нельзя купить ребенка и считать его своим, так и хлеб купленный будет всегда чужой. Своим ребенком может назвать мать только того, кого она родила в страдании. И хлебом своим мужчина может назвать только тот хлеб, который он выработал в поте лица своего». Вот эта-то основная мысль и легла в основу рассуждений Л. Н-ча о женщинах в заключительной главе его книги. И он в горячих словах выражает свое преклонение перед женщиной-матерью.

«Вы, женщины и матери, сознательно подчиняющиеся закону Бога, вы одни знаете в нашем несчастном, изуродованном, потерявшем образ человеческий кругу, вы одни знаете весь настоящий смысл жизни по закону Бога. И вы одни своим примером можете показать людям то счастье жизни в подчинении воле Бога, которого они лишают себя. Вы одни знаете те восторги и радости, захватывающие все существо ваше, и то блаженство, которое предназначено человеку, не отступающему от закона Бога. Вы знаете счастье любви к мужу, счастье не кончающееся, не обрывающееся, как все другие, а составляющее начало нового счастья любви к ребенку. Вы одни, когда вы просты и покорны воле Бога, знаете не тот шуточный, парадный труд в мундирах и освещенных залах, который мужчины вашего круга называют трудом, а знаете тот истинный, Богом положенный людям труд и знаете истинные награды за него, знаете то блаженство, которое он дает».

И книга Л. Н-ча заключается такими словами:

«Вот такие-то, исполнившие свое призвание женщины властвуют над властвующими мужчинами и служат путеводною звездой людям; такие-то женщины устанавливают общественное мнение и готовят новые поколения людей; и потому в руках этих женщин высшая власть, власть спасения людей от существующих и угрожающих зол нашего времени.

Да, женщины-матери, в ваших руках, больше чем в чьих-нибудь других, спасение мира».

Таково содержание книги, написанной Л. Н-чем в это время и вызванной к жизни его неудачным опытом благотворительной деятельности.

В заметке, напечатанной Л. Н-чем в одном из тогдашних благотворительных журналов, он так резюмирует свой опыт благотворительности:

«Выводы, к которым я пришел относительно благотворительности, следующие:

Я убедился, что нельзя быть благотворителем, не ведя вполне добрую жизнь; и тем более нельзя, ведя дурную жизнь, пользуясь условиями этой дурной жизни для украшения этой своей дурной жизни, делать экскурсии в область благотворительности. Я убедился, что благотворительность тогда только может удовлетворить и себе, и требованиям других, когда они будут неизбежным последствием доброй жизни; что требования этой доброй жизни очень далеки от

тех условий, в которых я живу. Я убедился, что возможность благотворить людям есть венец и высшая награда доброй жизни, и что для достижения этой цели есть длинная лестница, на первую ступень которой я даже и не думал вступить. Благотворить людям можно только так, чтобы не только другие, но и сами бы не знали, что делаешь добро, – так, чтобы правая рука не знала, что делает левая; только так, как сказано в учении двенадцати апостолов, чтобы милостыня твоя потом выходила из твоих рук так, чтобы ты и не знал, кому ты даешь. Благотворить можно только тогда, когда вся жизнь твоя есть служение благу».

Писание этой книги нелегко давалось Л. Н-чу; так, в начале 1885 года он писал одному из своих друзей:

«Семейные мои огорчились, тем, что я писал в статье о своей жизни и потому о них, и мне это было больно, и я все думал об этом и был не спокоен духом».

Тем не менее Лев Николаевич писал эту книгу с большим увлечением. В октябре 1885 года он пишет Черткову:

«Живу 4-й, кажется, день (не вижу, как дни идут) один в деревне, один с Александром Петровичем. Работается так много, как давно не было. Только горе – пишу все рассуждения в статью «Что же нам делать?». И знаю, и согласен с вами, что другое нужнее может быть людям, да не могу – нужно выперхнуть то, что засело в горле. И кажется, скоро освобожусь».

В следующем письме он уже оправдывается перед Чертковым в своем увлечении этой статьей такими словами:

«С тех пор получил два письма – одно вчерашнее, с выражением неодобрения тому, что я посвящаю все свое время статье, и нынешнее – о «Двух стариках». Я согласен с вами, что другое я бы мог писать, и оно как будто действительнее, но не могу оторваться, не уяснив прежде всего себе (и другим, может быть) такую странную, непривычную мысль, что считающееся таким благородным занятие нашими науками и искусствами – дурное, безнравственное занятие. И мне кажется, что я достигаю этого и что это очень важно. Нынче с Александром Петровичем говорили. Он говорит, что не скоро люди будут жить хорошо, а мне всегда кажется, что скоро. Стоит только разрушить соблазн – ложное, обманчивое рассуждение, на которое они опираются. Люди – разумные существа и не могут жить с сознанием, что они живут против разума, и вот когда они делают это, им на помощь приходит ум, строящий соблазны. Стоит разрушить соблазн, и они покорятся. Они построят новые, но обязанность каждого, если он видит обман соблазна, – указать его людям. Я это-то и постараюсь делать. Но ваши замечания мне очень дороги и полезны, и пожалуйста, делайте их и порезче...»

Еще через месяц, уже из Москвы, на вопрос Черткова он отвечает так:

«Вы спрашиваете, что я работаю. Я кончаю (кончил, могу сказать) статью «Что же нам делать?». И много работаю руками и спиной в Москве. Вожу воду, колю, пилую дрова. Ложусь и встаю рано, и мне одиноко, но хорошо».

В этой книге было много автобиографического. В марте 1885 г. Лев Николаевич писал Черткову:

«Про себя напишу: хотелось бы сказать, что я бодр и счастлив, и не могу. Не несчастлив я – далек от этого. Но мне тяжело. У меня нет работы, которая поглощала бы меня всего, заставляя работать до одурения и с сознанием того, что это мое дело, и потому я чуток к жизни, окружающей меня, и к своей жизни, и жизнь эта отвратительна.

Вчера ночью я пошел гулять. Возвращаясь, вижу на Девичьем поле что-то барахтается и слышу, городской кричит: «Дядя Касим, веди же!» Я спросил: «Что?» – «Забрали девок из Проточного переулка, трех провели, а одна пьяная отстала». Я подождал. Дворник с ней поравнялся с фонарем: девочка по сложенью, как моя 13-тилетняя Маша, в одном платье грязном и разорванном, голос хриплый, пьяный; она не шла и закуривала папироску. «Я тебе, собачья дочь, в шею!» – кричал городской. Я взглянул в лицо, – курносое, серое, старое, дикое лицо. Я спросил: «Сколько ей лет?» – она сказала: «16-й». И ее увели. (Да, я спросил, есть ли отец

и мать; она сказала – мать есть). Ее увели, а я не привел ее к себе в дом, не посадил за свой стол, не взял ее совсем, – а я полюбил ее. Ее увели в полицию сидеть до утра, в сибирке, а потом к врачу свидетельствовать. Я пошел в чистую покойную постель спать и читать книжки (и заедать воду смоквой). Что же это такое? Утром я решил, что пойду к ней. Я пришел в полицию, ее уже увели. Полицейский с недоверием отвечал на мои вопросы и объяснил, как они поступают с такими. Это их обычное дело. Когда я сказал, что меня поразила ее молодость, он сказал: «Много и моложе есть».

В это же утро нынче пришел тот, кто мне переписывает, один поручик, Иванов. Он потертый и прекрасный человек. Он ночует в ночлежном доме. Он пришел ко мне взволнованный. «У нас случилось ужасное: в нашем номере жила прачка. Ей 22 года. Она не могла работать – платить за ночлег было нечем. Хозяйка выгнала ее. Она была больна и не ела досыта давно. Она не уходила. Позвали городского. Он вывел ее. «Куда же, – говорит она, – мне идти?» Он говорит: «Околевай, где хочешь, а без денег жить нельзя». И посадил ее на паперть церкви. Вечером ей идти некуда, она пошла назад к хозяйке, но не дошла до квартиры, упала в воротах и умерла».

Из частного дома я пошел туда. В подвале гроб, в гробу почти раздетая женщина с закостевшей, согнутой в коленке ногой. Свечи восковые горят. Дьячок читает что-то вроде панихиды. Я пришел любопытствовать. Мне стыдно писать это, стыдно жить. Дома блюдо осетрины, пятое найдено не свежим. Разговор мой перед людьми мне близкими об этом встречается недоумением: зачем говорить, если нельзя поправить. Вот когда я молюсь: Боже мой, научи меня, как мне жить, чтобы жизнь моя не была мне гнусной. Я жду, что Он научит меня».

Нетрудно узнать в этом описании содержание XXIV главы, где эти два факта переданы почти буквально, только с еще большими трагическими, художественно обработанными подробностями. И эта живость фактов, эта наличность живых документов придает еще больше значения этой замечательной книге.

Глава 3. Бремя жизни. Посланничество. Земельный вопрос

В половине 80-х годов шла напряженная борьба правительства с революционным движением. Жертв было много, и ко Льву Николаевичу стекались просьбы родственников пострадавших об облегчении их участи. Л. Н-ч редко отказывал в такого рода помощи и передавал просьбу своим влиятельным друзьям. Одной из таких была его родственница, графиня Александра Андреевна Толстая, и вот в 1884 г. мы видим целый ряд писем Л. Н-ча, в которых он просит ее исходатайствовать те или другие льготы для политических ссыльных. И среди этих писем есть чрезвычайно характерные для Л. Н-ча строки. В ходатайства о ссыльных вплетается вопрос о вере, и Л. Н-ч как бы отбивается от дружеских попыток к обращению. В мае 1884 г. он пишет:

«Очень грустно будет, если Армфельд не позволят жить с дочерью. Она уже начала надеяться. Хочется сказать и скажу: в каком же мире мы живем, если о том, чтобы мать могла жить с несчастной дочерью, – несчастной, потому что ее держат на каторге люди же нашего мира, – если об этом нужно просить, умолять, хитрить и хлопотать?

Если есть еще миссионеры, есть люди, любящие своих братьев (не тех, которые на каторге, а тех, которые держат их там), то вот кого надо обращать с утра и до вечера: государя, министров, комендантов и др. Обращайте их, вы живете среди них, внушайте им, что если от их волн зависит облегчить участь несчастных и они не делают этого, то они нехристи и очень несчастны».

Немного позднее он защищается еще решительнее:

«Очень вам благодарен, милый друг, – пишет он А. А-не, – за участие и знаю (чувствую это по тону письма), что вы сделаете все возможное, и сделаете от сердца. Очень люблю вас за это. Но заметьте, я, по своей дурной, ложной, соблазнительной вере, я – хотя и гораздо менее добрый по сердцу человек, чем вы, но я по своей дурной дьявольской вере, ничего кроме доброго и любовного к вам не чувствую и не говорю; а вы, по своей хорошей вере, несмотря на вашу истинную доброту, на любовь ко мне, на мои мольбы не обращать меня (т. е., учтиво выражаясь, не говорить мне неприятностей), вы не можете воздержаться от того, чтобы не сказать тотчас же самого больного и оскорбительного, что только можно сказать человеку, именно, что то, что есть его святыня, есть адская гордость.

Я вашу веру люблю и уважаю, я не люблю только зло, – и вы тоже должны бы были не любить.

Жду с нетерпением ваших указаний и очень благодарю и люблю вас; но, ради всего святого для вас, поймите, что и для других есть святое».

Но отношения их оставались дружескими. В одном из последующих писем он говорит ей: «Я все тот же вообще и к вам в особенности, т. е. считаю вас близким и дорогим мне человеком». Конечно, и А. А-на платила ему тем же.

В феврале 1885 года Л. Н-ч, живя в Москве, сообщал в письме Софье Андреевне, находившейся тогда в Петербурге, что у него утром были две классные дамы. Эти классные дамы были – Мария Александровна Шмидт и Ольга Алексеевна Баршева. Им суждено было, особенно первой, стать самым близким другом Л. Н-ча. Мне пришлось слышать из уст Марии Александровны рассказ о том, как она со своей подругой познакомились со Л. Н-чем. Будучи обе религиозно православными, они тем не менее боготворили Л. Н-ча как великого писателя, творца «Войны и мира», «Анны Карениной» и пр. И вот до них дошел слух, что Толстой написал Евангелие. Религиозное чувство смешалось здесь с преклонением перед гением, и они решили во что бы то ни стало достать это произведение. В своей наивности они прежде всего обратились в синодальную лавку, зная, что там продают Евангелия. В синодальной лавке им сказали, что они об этом ничего не знают. А если вышло новое произведение Толстого, то надо

обратиться в книжный магазин Вольфа, и он достанет. Они поехали туда. Там им сказали, что они слышали о существовании такого Евангелия, но что оно запрещено и потому они продавать его не могут. Желание прочесть его было так сильно, что они решились поехать к самому Льву Николаевичу просить его дать им прочесть эту книгу. Вот об этом-то посещении и сообщает Л. Н-ч Софье Андреевне в письме в Петербург в феврале 1885 года. Л. Н-ч принял их ласково и дал им просимое. Прочитав в первый раз, они были в большом смущении и даже в возмущении. Их традиционному религиозному чувству показались кощунственными некоторые реалистические, непривычные для слуха выражения, которые употребил Л. Н-ч по отношению к Богородице. Тем не менее многие страницы этой книги захватили их моральное чувство. Они стали перечитывать это произведение, и по мере того, как они вчитывались в него, новый глубокий смысл Евангелия открывался им, они стали читать все, что написано было Л. Н-чем, и вскоре бросили то официальное положение, которое они занимали, и зажили простой, рабочей жизнью. Одно из ремесел, которыми они зарабатывали на свою жизнь, были переписка сочинений Л. Н-ча, запрещенных цензурой, и можно сказать, что сотни копий вышли из-под рук их и распространились по России. Мы еще встретимся с этими замечательными людьми при описании дальнейшей жизни Л. Н-ча.

Одновременно с напряженной умственной и нравственной работой во Л. Н-че шло и его дальнейшее религиозное развитие. Та новая ступень, на которую он был возведен своим пытливым религиозным сознанием, было учение о посланничестве. Он излагает его в письмах к двум друзьям своим, написанных почти одновременно – к В. Г. Черткову и к Н. Н. Ге, в феврале 1885 года. Мы приводим здесь первое как наиболее полную версию изложения этого учения:

«Одна сторона учения Христа, связанная со всем остальным и даже основа всего, была скрыта от меня обоготворением Христа, именно его учение о посланничестве. Вспомните, сколько раз он говорил: «Отец послал меня, я послан, я творю волю пославшего меня». Мне всегда эти слова были неясны.

Бог не мог послать Бога, а другого значения я не понимал или понимал неясно. Только теперь мне открылся простой, ясный и радостный смысл этих слов. Я пришел к пониманию их своими сомнениями и страданиями. Без этого учения нет разрешения всех этих сомнений, которые мучают каждого ученика Христа. Смысл тот, что Христос учит всех людей той жизни, которую он считает для себя истиной. Он же считает свою жизнь посланничеством, исполнением воли пославшего. Воля же пославшего есть разумная (добрая) жизнь всего мира.

Стало быть, дело жизни есть внесение истины в мир. Жизнь на то только дана (по учению Христа) человеку с его разумом, чтобы он вносил этот разум в мир, и потому вся жизнь человека есть ничто иное, как эта разумная его деятельность, обращенная на другие существа вообще, не только на людей. Так понимал Христос свою жизнь и так учил нас понимать нашу. Каждый из нас есть сила, сознающая себя, летящий камень, который знает, куда и зачем он летит, и радуется тому, что он летит, и знает, что сам он ничто – камень, а что все его значение в этом полете, в той силе, которая бросила его, что вся его жизнь есть эта сила. И в самом деле, вне этого взгляда, т. е. того, что человек всякий есть посланник Отца, призванный только затем к жизни, чтобы исполнять волю Отца, вне этого взгляда жизнь не только не имеет смысла, но отвратительна и ужасна. И напротив, стоит хорошенько понять и сделать своим этот взгляд на жизнь, и жизнь становится не только осмысленной, ясной, но прекрасною, радостною и значительною. Только при этом взгляде уничтожаются все сомнения борьбы и все страхи. Если я посланник Божий, то дело мое главное не только в том, чтобы исполнять пять заповедей, не иметь собственности, не предаваться похоти и т. п., – все это условия, при которых я должен исполнять посланничество. Это тоже для меня теперь главный смысл моего посланничества, но дело мое главное в том, чтобы жить, внося в мир всеми средствами, какие даны мне, ту истину, которую я знаю, которая поверена мне. Может случиться, что я сам буду часто плох,

буду изменять своему признанию, все это ни на минуту не может уничтожить значение моей жизни – светить тем светом, который есть во мне до тех пор, пока могу, пока свет есть в вас. Только при этом учении уничтожаются праздные сожаления о том, что есть или было не то, чтобы я хотел, и праздные желания чего-то определенного в будущем, уничтожается и страх смерти, и вся жизнь переносится в одно настоящее. Смерть уничтожается тем, что если моя жизнь слилась с деятельностью внесения разума и добра в мир, то придет время, когда физическое уничтожение моей личности будет содействовать тому, что стало моей жизнью – внесению добра и разума в мир».

И с этого момента вся дальнейшая жизнь Л. Н-ча становится исполнением воли пославшего его Отца жизни.

Но исполнение этого посланничества не всегда давалось ему легко. Так, например, во время писания им книги «Так что же нам делать?», при полном сознании окружающей его лжи, эгоизма и всяких соблазнов, при ослепительном свете представшего перед его сознанием идеала, он встречает среди близких ему семейных, друзей в лучшем случае равнодушие и беспечность, а часто враждебность и горькие упреки. И жизнь вокруг него самых близких ему идет вразрез со всем тем, что он выстрадал и считал непоколебимой правдой.

Его внутреннее состояние того времени прекрасно выражено в его письме к В. Г. Черткову, которому он как другу поверял свои самые сокровенные мысли. Вот это письмо, писанное в июне 1885 года:

«В последнем письме я писал вам, что мне хорошо; а теперь, отвечая на второе письмо ваше из Англии, полученное вчера, мне нехорошо. Письменная работа не идет, физическая работа почти бесцельная, т. е. не вынужденная необходимостью, отношений с окружающими меня людьми почти нет (приходят нищие, я им даю гроши, и они уходят), и на моих глазах в семье идет вокруг меня систематическое развращение детей, привешивание жерновов к их шее. Разумеется, я виноват; но не хочу притворяться перед вами, выставлять спокойствие, которого нет. Смерти я не боюсь, даже желаю ее. Но это-то и дурно; это значит, что я потерял ту нить, которая дана мне Богом для руководства в этой жизни и для полного удовлетворения. Я путаюсь, желаю умереть, приходят планы убежать или даже воспользоваться своим положением и перевернуть всю жизнь. Все это только показывает, что я слаб и скверен, а мне хочется обвинять других и видеть в своем положении что-то исключительно тяжелое. Мне очень тяжело вот уже дней шесть, но утешение одно: я чувствую, что это временное состояние. Мне тяжело, но я не в отчаянии, я знаю, что я найду потерянную нить, что Бог не оставит меня, что я не один. Но вот в такие минуты чувствуешь недостаток близких живых людей – той общины, той церкви, которая есть у пашковцев, у православных. Как бы мне теперь хорошо было передать мои затруднения на суд людей, верующих в ту же веру, и сделать то, что сказали бы мне они. Есть времена, когда тянешь сам и чувствуешь в себе силы; но есть времена, когда хочется не отдохнуть, а отдаться другим, которым веришь, чтобы они направляли. Все это пройдет, и если буду жив, напишу вам, как и когда пройдет. Вчера вместе с вашим письмом получил письмо от Оболенского. Он спрашивает, что Сибиряков ищет места, средств жизни и называет безвыходным то положение, в котором он находится и к которому я страстно стремлюсь вот уже 10 лет.

Когда я сам себя жалоблю, я говорю себе: неужели так и придется мне умереть, не прожив хоть один год вне того сумасшедшего безнравственного дома, в котором я теперь вынужден страдать каждый час, не прожив хоть одного года по-человечески, разумно, т. е. в деревне, не на барском дворе, а в избе, среди трудящихся, с ними вместе трудясь по мере своих сил и способностей, обмениваясь трудами, питаюсь и одеваюсь, как они, и смело, без стыда, говоря всем ту Христову истину, которую знаю. Я хочу быть с вами откровенен и говорю вам все; но так я думаю, когда я себя жалоблю, но тотчас же я поправляю это рассуждение и теперь делаю это. Такое желание есть желание внешних благ для себя – такое же, как желание двор-

цов, и богатства, и славы, и потому оно не Божье. Это желание ставить палочку поперечную креста поперек, это недовольство теми условиями, в которые поставил меня Бог, это неверное исполнение посланничества. Но дело в том, что теперь я как посланник в сложном и затруднительном положении и не знаю иногда, как лучше исполнить волю пославшего. Буду ждать разъяснений. Он никогда не отказывал в них и всегда давал их вовремя».

Замечательна в этом письме глубина и тонкость душевного самоанализа. Л. Н-ч отрицает здесь не только материальную, но и моральную роскошь. Он доходит до предела самоотвержения. Ему уже хочется уйти, пожить в моральной свободе, но он считает это моральной роскошью и решается лучше терпеть эту моральную нужду, нести на себе эти моральные вериги, чтобы не нарушить любовь с близкими людьми. Много раз чувство свободы прорывалось через эти добровольно наложенные им на себя цепи и в нем снова являлось желание уйти. Такой «прорыв» совершился и в этом же 1885 году, в декабре.

Софья Андреевна так описывает это в письме к своей сестре:

«Случилось то, что уже столько раз случалось: Левочка пришел в крайне нервное и мрачное настроение. Сажу раз, пишу, входит: я смотрю – лицо страшное. До тех пор жили прекрасно: ни одного слова неприятного не было сказано, ровно ничего. «Я пришел сказать, что хочу с тобой развестись, жить так не могу, еду в Париж или в Америку».

Понимаешь, Таня, если бы мне на голову весь дом обрушился, я бы не так удивилась. Я спрашиваю удивленно: «Что случилось?»

«Ничего, но если на воз накладывают все больше и больше, лошадь станет и не везет». – Что накладывалось – неизвестно. Но начался крик, упреки, грубые слова, все хуже, хуже и, наконец, я терпела, терпела, не отвечала ничего почти, вижу – человек сумасшедший, и когда он сказал, что «где ты – там воздух заражен», я велела принести сундук и стала укладываться. Хотела ехать к вам хоть на несколько дней. Прибежали дети, рев. Таня говорит: «Я с вами уеду, за что это?» Стал умолять остаться. Я осталась, но вдруг начались истерические рыдания, ужас просто, подумай, Левочку всего трясет и дергает от рыданий. Тут мне стало жаль его, дети 4: Таня, Илья, Леля, Маша, режут на крик: нашел на меня столбняк, ни говорить, ни плакать, все хотелось вздор говорить, и я боюсь этого и молчу, и молчу три часа, хоть убей – говорить не могу. Так и кончилось. Но тоска, горе, разрыв, болезненное состояние отчужденности – все это во мне осталось. Понимаешь, я часто до безумия спрашиваю себя: ну теперь за что же? Я из дома ни шагу не делаю, работаю с изданием до трех часов ночи, тиха, всех так любила и помнила это время, как никогда, и за что?

Подписка на издание идет такая сильная, что я весь день, как в канцелярии, сажу и орудую всеми делами. Наняла артельщика для укладки и беготни. Страшно утомительно и трудно. Денег выручила 2000 в 20 дней. Статьи две Победоносцев запретил окончательно. Вчера получила очень любезное от него письмо и отказ.

Ну вот, после этой истории, вчера, почти дружелюбно расстались. Поехал Левочка с Таней вдвоем на неопределенное время в деревню к Олсуфьевым за 60 верст, на Султানে, вдвоем в крошечных санках. Взяли шуб пропасть, провизии, и я сегодня уже получила письмо, что очень весело и хорошо доехали, только шесть раз вывалились. Я рада, что Левочка отправился в деревню, да еще в хорошую семью и на хорошее содержание. Я все эти нервные взрывы и мрачность и бессонницу приписываю вегетарианству и непосильной физической работе. Авось он там образумится. Здесь топлением печей, возкой воды и пр. он замучил себя до худобы и до нервного состояния».

А во Льве Николаевиче такие эпизоды вызвали чувство умиления и покаяния, и тяжелое чувство исчезало тогда, когда ему удавалось снова вызвать любовь к тем, кто «не знали, что творили». Это настроение Л. Н-ча ярко выступает из его письма к Черткову, написанному им во время своего пребывания у Олсуфьевых в конце этого года:

«Удивляюсь, почему люди не любят и стыдятся быть жалкими: мне радостнее всего именно это чувство сострадания. Я его заслуживаю со всех сторон. Много хотелось бы сказать вам, но отложу до свидания, если Бог велит. Я пробыл здесь 8 дней, и мне было почти хорошо. Нехорошо – полное непонимание того, в чем моя жизнь, и роскошная праздная жизнь, а хорошо – доброта, честность и чистота и не любовь, а уважение ко мне всех их. Кроме того, были мои: Сережа, Таня и Леля, и теперь еще здесь двое. В самое Рождество случилось, что я пошел гулять по незнакомым пустынным, зимним, деревенским дорогам и проходил весь день и все время думал, каялся и молился. И мне стало лучше на душе с тех пор. Я твердил одно: Отец наш – всех нас людей, отец не земной, а небесный, вечный, от которого я изшел и к которому приду, свята да будет для нас сущность (имя) твоя (сущность твоя есть любовь). Да будет царствовать твоя сущность – любовь так, чтобы как на небе любовно, согласно совершаются движение и жизнь светил – воля твоя, чтобы так же согласно, любовно шла наша жизнь здесь по твоей воле. Пищу жизни, т. е. любви к людям, отношение с людьми, дай нам в настоящем, а прости, сделай, чтобы не имело на меня, на мою жизнь влияние то, что было прежде, и потому я не вменяю никому из людей, что прежде они сделали против меня. Не введи меня в искушение, извне соблазняющее меня, но главное – избави меня от лукавого, от зла во мне. В нем гордость, в нем желание сделать то, что хочется, в нем все несчастья, – от него избавь!»

Пожалуйста, не показывайте всем моего письма. Неясно, странно, что я пишу, но тот, кто ходит теми дорогами, как я, поймет меня – вы. Я молился, как и всегда, с радостью и сознанием оживания. Кто не любит брата, тот пребывает в смерти. Я это боками узнал. Я не любил, имел зло на близких, и я умирал и умер. Я стал бояться смерти – не бояться, а недоумевать перед нею. Но стоило восстановить любовь, и я воскрес. Помогай нам Бог не умирать. Завтра, если буду жив, поеду в Москву. Приезжайте, все переговорим. Очень хочу работать, но вот уже давно нет сил. Я забыл первую заповедь Христа: не гневайся. Так просто, так мало и так огромно. Если есть один человек, которого не любишь – погиб, умер. Я это опытом узнал».

Его друг, конечно, исполнил его желание – не показал при его жизни этого письма «всем». Но теперь, когда истлела его телесная оболочка, для духа его уже нет «всех» и не «всех», и мы считаем, что опубликование этого письма только прибавит новый светлый луч к жизни его великой души.

Но идейный разлад в его семенной жизни не уступал никаким попыткам со стороны Л. Н-ча.

В одном письме этого же времени С. А. категорически заявляет: «В нашей жизни, которую будто бы я веду, нельзя сойтись с Левочкиными убеждениями».

Трудно придумать более трагическую обстановку жизни Л. Н-ча. Весь пылающий самоотверженным служением ближнему, опростившийся, находящий отраду в простой мужицкой работе как в деревне, так и в городе, он встречает среди близких ему людей или полное непонимание, или равнодушие, или враждебность, или презрительно-снисходительную иронию.

Часто, утомленный этой борьбой, Л. Н-ч уезжал или уходил из города в Ясную Поляну и там отдыхал в простой, трудовой жизни. Запасшись силами, он снова возвращался к семье. Вот как описывает С. А. одно из таких возвращений в письме к сестре Т. А.:

«...Левочка вернулся 1-го ноября. Мы все повеселели от его приезда, и сам он очень мил, спокоен, весел и бодр. Только он переменял еще привычки. Все новенькое, что ни день. Встает в семь часов, когда еще темно. Качает на весь дом воду, везет огромную кадку на салазках, пилит длинные дрова, и колет, и складывает в сажень. Белый хлеб не ест; никуда положительно не ходит. Сегодня я возила его в санках снимать портрет к фотографу в Газетный переулок...»

Как велика была его радость, когда он замечал в семье проблески истинного разума жизни.

Одной из первых доставила ему эту радость его старшая дочь Татьяна Львовна. Вот что писал ей Л. Н-ч в октябре 1885 года:

«...Ты в первый раз высказалась ясно, что твой взгляд на вещи переменялся. Это моя единственная мечта и возможная радость, на которую я не смею надеяться, – та, чтобы найти в своей семье братьев и сестер, а не то, что я видел до сих пор – отчуждение и умышленное противодействие, в котором я вижу не то пренебрежение, не ко мне, а к истине, не то страх перед чем-то...»

И тотчас же Л. Н-ч старается дать дочери советы, как ей укрепиться на этом новом пути:

«...Тебе важнее убрать свою комнату и сварить свой суп (хорошо бы, коли бы ты это устроила – протискалась бы сквозь все, что мешает этому, особенно мнение), чем хорошо или дурно выйти замуж».

Это письмо он пишет из Ясной Поляны в Москву и в таких выражениях описывает свой образ жизни:

«...Я живу очень хорошо. Я никого не вижу кроме А. Петр. (ресурсы которого очень ограничены), и если бы верил в счастье, т. е. думал бы, что надо замечать и желать его, я бы сказал, что я счастлив. Не вижу, как проходят дни, но думаю, что делаю то, что надо, что хочет от меня то, что пустило меня сюда жить».

Времена этой тяжелой внутренней борьбы сменяются интенсивной творческой работой и эта смена с радостью отмечается его семейными.

В сентябре С. А. пишет своей сестре:

«...Он без вас написал чудесную сказку, прочел нам, и мы все пришли в восторг. Теперь он ее старательно переделывает и дает в мое издание. Потом он взял все те отрывки пересмотреть и поправить, которые поступят в новое издание: «История лошади», «Смерть Ив. Ильича» и др. Через неделю их надо печатать, так как все подвигается к концу».

И далее, уже в декабре того же года:

«...На днях Левочка прочел нам отрывок из написанного им рассказа, мрачно немножко, но очень хорошо; вот пишет-то, точно пережил что-то важнее, когда прочел и такой маленький отрывок. Назвал он это нам: «Смерть Ивана Ильича». Левочка был все время очень мил, бодр, ласков даже с чужими. Он отделяет статью и обещает после этой статьи продолжать этот прочтенный нам рассказ. Дай-то Бог».

Надо сказать несколько слов о сказке, о которой упоминает Софья Андреевна в письме к сестре.

Думая о народной литературе, Л. Н-ч постарался в художественной форме народной сказки, со всеми обычными волшебными аксессуарами и чертями, выразить в юмористической форме свое критическое отношение к современному строю и в самой легкой, общедоступной форме изложить свои общественные идеалы. И в это время, осенью 1885 г. он пишет сказку «Об Иване-дураке и его двух братьях: Семене Воине и Тарасе Брюхане и немой сестре Маланье и о старом дьяволе и трех чертенятах». Теперь эта сказка в миллионах экземпляров облетела весь мир, переведенная на многие языки. Простой, но глубокий смысл ее еще долгое время будет служить путеводной нитью в разрешении многих сложных вопросов общественной жизни. В «Семене Воине и его царстве» Л. Н-ч., по его собственным словам, делает меткие художественно-критические намеки на развитие милитаризма в царстве Николая I, а «Тарас-Брюхан» – это прообраз идущего ему на смену капиталистического строя. А единый закон Иванова царства: «у кого мозоли на руках – полезай за стол, а у кого нет мозолей – тому объедки со свиньями», будет служить вечным обличением паразитизма привилегированных классов. Конечно, эта ирония не была понята, и многие интеллигенты от большого ума обиделись на эту сказку, видя в ней оскорбление всего мыслящего человечества, и откровенно бойкотировали ее.

В простом народе, по нашему личному опыту, она имела большой успех.

Самое творение художественных произведений было для него отравлено сознанием, что все, что он напишет, будет продано по дорогой цене богатым людям, очень малая часть этого

станет доступна народу, а на вырученные от продажи дорогого издания деньги будет поддерживать та праздная и роскошная жизнь, которую он беспощадно осудил для самого себя и считал нравственной, умственной и физической отравой для своих детей.

Полное собрание сочинений Л. Н-ча Толстого, которым занималась С. А. в то время, было первым ее выступлением на издательском поприще.

Первым порывом Л. Н-ча, когда христианские взгляды его вполне определились, было отказаться от всяких литературных прав и начать раздавать свое имущество бедным.

Это намерение его встретило столь страстный протест его семьи, преимущественно со стороны его жены, что Л. Н-ч усомнился в правильности своего решения. Ему было категорически объявлено, что если он начнет раздавать имущество, то над ним будет учреждена опека за расточительность вследствие психического расстройства. Таким образом, ему угрожал дом умалишенных, а имущество все-таки осталось бы в руках семьи. Тогда он изменил свое решение.

В искании способа, как избавиться от собственности, не нарушая интересов семьи или, по крайней мере, не возбуждая в семейных недоброго чувства, Л. Н-ч попробовал еще один выход.

Придя в комнату Софьи Андреевны, он сказал ей приблизительно следующее: «Мне так тяжело владеть и распоряжаться собственностью, что я непременно решил избавиться от нее, и вот я обращаюсь к тебе первой: возьми все – и дом, и землю, и сочинения – и распоряжайся ими, как знаешь: я выдам тебе какой нужно документ».

Конечно, это было произнесено с большим волнением в голосе и встречено было так же и Софьей Андреевной. Не чувствуя себя в силах взять все на свою ответственность, она категорически отказалась. «Если ты это считаешь злом, зачем же ты хочешь навалить все это на меня?» – ответила она ему, парируя удар.

Тогда Льву Николаевичу оставалось только одно: прибегнуть к полумерам и к постепенному освобождению себя от собственности, что он и совершил в течение своей жизни.

Первой такой полумерой была передача С. А-не права на издание своих сочинений.

Первое издание собрания сочинений Л. Н-ча Софьей Андреевной было сделано в 1885 году, в двенадцати томах; XII том был весь новый и заключал в себе несколько народных рассказов, написанных Л. Н-чем для «Посредника»: повесть «Смерть Ивана Ильича», «Холстомер» и отрывки из его статьи «Так что же нам делать?», допущенные цензурой. К сожалению, этот XII том не продавался отдельно, что, конечно, было выгодно для издательницы, так как читатели, чтобы получить XII том, должны были покупать все собрание; эта мера вызвала справедливое возмущение многих почитателей Л. Н-ча и, между прочим, грубые нападки в печати популярного тогда критика Н. К. Михайловского. Все это, конечно, доставило немало страданий Л. Н-чу.

В марте Л. Н-ч поехал в Крым, чтобы проводить туда своего большого друга, князя Леонида Дмитриевича Урусова, бывшего тогда вице-губернатором в Туле.

Об этом замечательном человеке следует сказать несколько слов. Он имел своеобразное влияние на Льва Николаевича. Несмотря на свое высокое административное положение, он разделял взгляды Л. Н-ча и был одним из первых людей высшего круга, выразивших Л. Н-чу свое сочувствие. Он перевел на французский язык «В чем моя вера?» под названием «Ma religion» и издал эту книгу в Париже. Это издание послужило, вероятно, главным орудием распространения новых взглядов Л. Н-ча в Западной Европе и Америке. Из других трудов кн. Урусова укажем на перевод его на русский язык «Размышления императора Марка Аврелия»; перевод, долгое время бывший единственным на русском языке. Князь Урусов, живя в Туле, часто навещал Л. Н-ча и в Москве, и в Ясной Поляне и был другом дома в семье Толстых. Тяжкая болезнь заставила его удалиться в Крым, куда его весной 1885 г. проводил Лев Николаевич, и где он скончался осенью того же года.

Сначала Л. Н-ч съехался с Урусовым в имении его родственников Мальцевых, известных богачей-заводчиков в Брянском уезде, Орловской губернии, в их имении Дядькове. В письмах к Софье Андреевне Л. Н-ч описывает необыкновенную роскошь жизненной обстановки Мальцевых. Л. Н-ч относился к ней с терпимостью как гость; интересовала же его, как всегда, жизнь окружающего их рабочего народа. Он осматривает заводы, помещения работ, идет на базар и так описывает свои впечатления в письме к жене:

«До сих пор писать не пришлось. А совестно жить без работы. Все работают, только не я. Вчера я провел время на площади, в кабаках, на заводе, один, без чичероне, и много видел и слышал интересного, и видел настоящий трудовой народ. И когда я его вижу, мне всегда еще сильнее, чем обыкновенно, приходят эти слова: все работают, только не я. Нынче опять у Мальцева, в этой роскоши. Через два дня опять в роскоши и праздности. Так и кажется, что переезжаешь из одной богадельни в другую».

11-го марта они выехали, направляясь на юг. В Харькове была остановка, и Л. Н-ч воспользовался тем, чтобы посетить своего друга Русанова и друга своего умершего брата Дмитрия, профессора Якоби.

В письме к жене он так описывает это посещение Харькова:

«Нишу из Харькова, в 8 часов вечера. Мы едем через час. В Харькове стояли 7 часов. Я покинул князя и поехал в город на конке, которая подходит к самому вокзалу, купить провизию, минеральные воды Урусову и исполнить поручение Дмоховской через Русанова. Был в суде, ждал долго Русанова и под конец дождался. Потом пошел мимо университета, вспомнил о Якоби, товарище Митеньки, профессоре гигиены, спросил его и зашел к нему. Он с семьей, милый, умный и приятный человек. Мы не видались с ним 40 лет. Он меня не узнал. С ним поговорили, и он провел меня прямо к Русанову, у которого пил чай, и вот приехал. И то и другое впечатление очень приятное».

В одном из следующих писем Л. Н-ч рассказывает впечатления Крыма, природа которого подействовала на Л. Н-ча особенно своими воспоминаниями; в письме со станции «Байдарские Ворота», на полдороге от Севастополя до Симеиза, где пришлось кормить лошадей, Л. Н-ч пишет:

«Мы здесь кормим и встретили господина, едущего в Москву и тоже кормящего. Это оказался господин Абрикосов молодой. Он меня узнал и читал, и жена его, которую он свез в Крым; и я пользуюсь тем, что он приедет прежде почты. Погода прекрасная, жарко в горах, по которым мы ехали. Урусов взял ландо не открывающееся и хуже кареты, и я залез на сундук, на козлы. Ехал и не то что думал, но набегали новые, нового строя – хорошие мысли. Между прочим одно: каково! Я жив и еще могу жить! Еще: как бы это последнее прожить по божьи, т. е. хорошо. Это очень глупо, но мне это радостно.

Цветы цветут, и в одной блузе жарко. Лес голый, но на весеннем чутком воздухе сливаются запахи, то листа вялого, то человеческого испражнения, то фиалки, и все перемешивается. Проехали по тем местам, казавшимся неприступными, где были неприятельские батареи, и странно: воспоминание войны даже соединяется с чувством бодрости и молодости. Что если бы это было воспоминание какого-нибудь народного торжества, общего дела, ведь могут же такие быть! Еще на козлах сочинял английского милорда. И хорошо. Еще думал, по тому случаю, что Урусов, сидя в карете, все погонял ямщика, а я полюбил, сидя на козлах, и ямщика, и лошадей, – что как несчастны вы, люди богатые, которые не знают ни того, в чем едут, ни того, в чем живут (т. е. как выстроен дом), ни что носят, ни что едят. Мужик и бедный все это знает, ценит и получает больше радости. Видишь, что я духом бодр и добр. Если бы только не неизвестность о тебе и детях. Целую их всех. Обнимаю тебя. Подали лошадей Абрикосову, он едет».

Живя в Крыму с Урусовым у его родственника Мальцева, Л. Н-ч по обыкновению приглядывался к жизни народа. В одном из писем к жене он пишет:

«Нынче я опять встал рано, и, напившись кофе, пошел с Урусовым в татарскую деревню. Там встретили старика 65 лет: он идет на работу за 2 версты в гору. Я предложил ему наняться работать. Он согласился за рубль. Но это оказалась шутка. Он признал во мне богатого. И стал предлагать землю купить у него. И показывал землю и восхвалял ее. За 6 десятин просит 6000. Тут и виноградник, и табак, и каштаны, и инжир, и грецкие орехи. Я дошел с ним до его плантации. Лазили по скалам, а в глуши нашли в лощинке, – его 4 сына в белых рубашках копают заступами виноградник, а он обрезает. Я поработал с ними и пошел домой».

Желание новых впечатлений в художнике было так сильно, что ему не хотелось даже работать пером: в том же письме он пишет:

«Работать не принимался: слишком жалко потерять, возможность увидеть». Но тем не менее, уступая просьбам Черткова, он пишет там небольшой рассказ для народа, под названием «Ильяс». Рассказ этот был издан «Посредником» и в копеечной книжке, и в виде текста к лубочной картине, нарисованной для этой цели художником Кившенко. Воспользовавшись случаем пребывания в Крыму, Лев Николаевич заехал в имение Н. Я. Данилевского Мшатку, чтобы познакомиться с другом своего друга, Н. Н. Страхова. Свидание было очень радостное и оставило в обоих самое хорошее воспоминание.

В эту крымскую поездку со Л. Н-чем произошел странный случай. Остановившись в Севастополе, Л. Н. пошел прогуляться по прежним местам укреплений, служивших театром военных действий в севастопольскую кампанию. Гуляя, он нашел старый снаряд. Вернувшись в Севастополь, он показал этот снаряд своему знакомому артиллерийскому офицеру, сослуживцу с ним в Севастополе, и тот объяснил ему, что снаряд этот очень редкий, что его в севастопольскую кампанию только пробовали, и, насколько он помнит, этим снарядом был произведен только один выстрел. И когда он стал припоминать обстоятельства этого выстрела, то оказалось, что выстрел этот был произведен именно той батареей, которой командовал Л. Н. Таким образом, он нашел через 30 лет выпущенный им единственный снаряд.

24-го марта Л. Н-ч возвратился в Москву.

Он продолжает уже письменное общение со своим больным другом кн. Л. Д. Урусовым, все еще жившим и медленно угасавшим в Крыму. В июне Л. Н-ч между прочим написал ему такое определение «Что такое слово?»:

«...Я последнее время все больше и больше убеждаюсь в том, что люди совершенно напрасно гордятся тем, что они имеют преимущество перед животными в воображаемом даре слова, т. е. способности сообщать свои и, следовательно, понимать чужие мысли. Такого дара у всех людей вообще никогда не было и нет. И изречение дипломата, что слово дано людям для того, чтобы скрывать свои мысли, совсем не шутка, а ужасная правда. Я прибавил бы только еще то, что оно употребляется людьми для того же, для чего употребляется птицами – соловьями: для удовольствия сочетаний звуков и формальных образов, для личного удовольствия, но никак не для сообщения мыслей... Очень может быть, что и соловей какой-нибудь или кукушка просвистали или прокуковали какую-нибудь новую мысль о том, как улучшить жизнь этих птиц. Результаты те же самые. И результаты моих и ваших логических доводов разве не такие же, *comme si l'on chantait*. Да, начало всего слово; слово – святыня души, а не свист птицы. И слово это есть одно божество, которое мы знаем, и оно одно делает и претворяет мир. Страшно только, когда смешаешь его со словом – произведением гортани, языка и губ человеческих».

Н. Я. Данилевский, познакомившись со Л. Н-чем и заинтересованный его личностью, спрашивает о нем Страхова, и тот, приехав в Ясную Поляну в этом же году погостить, пишет Данилевскому о том, как проводит время Л. Н-ч и его сожители. Вот это интересное письмо:

«...Ясную Поляну нашел я наполненную женщинами и детьми, человек до 30, и среди них двое мужчин, Лев Николаевич и Кузминский. Такова она была и 14 лет тому назад, когда я в первый раз в нее заехал, только моложе и не так многолюдна, много народилось с тех пор...

Л. Н. был нездоров и не в духе и до сих пор жалуется, хотя и поправился немного. Сейчас же принялся он читать мне свою статью о деньгах, очень остроумную, но не захватывающую вполне вопроса. Потом прочитал я старый, неоконченный рассказ «Лошадь», потом новые рассказы: «Где любовь, там и Бог», «Упустишь огонь – не погасишь», «Свечка», «Два старика». Все это он делает для тех народных изданий, которые я вам показывал; два последние рассказа удивительны по своей художественности и по чудесному смыслу; они взяты из народных рассказов. Он исключительно этим и занимается.

Я сплю в его кабинете, встаю в 8 часов, пью кофе и завтракаю. Часов в 11 он приходит ко мне, сам убирает и подметает кабинет, умывается, и мы идем на крокет, т. е. под клены, возле крокета, где старшие члены обеих семей пьют утренний кофе. Через час или полтора мы расходимся; он уходит в кабинет, а я в павильон, в котором теперь пишу к вам и который появился лишь нынче весною. В 5 часов обед; каждая семья особо. В 8 часов детский чай; в 10 часов чай и ужин для взрослых, сходятся обе семьи и проводят время до полуночи, потом расходятся. Людно и пестро чрезвычайно; между обедом и чаем прогулки, купанье и всякое безделье. Переписка у него огромная, т. е. он много получает писем с просьбами о деньгах и о советах, на которые не отвечает. Но, кроме того, переписывается с людьми, работающими для издания книжек и картин для народа. Словом, литературная его деятельность кипит. Жена теперь держит корректуру нового издания собрания сочинений, и я помогал; кроме того, она приводит в порядок и переписывает все старые рукописи. В новом собрании будет напечатано кое-что и неизданное».

Этой же весной 1885 года я получил от Льва Николаевича первое письмо. Трудно передать то впечатление восторга, умиления и какой-то счастливой гордости, когда я взял в руки конверт с адресом, написанным его крупным, особенным почерком.

Вот это письмо:

«Большое спасибо вам, милый Павел Иванович, за ваше посещение Грибовского и за ваше письмо – такое обстоятельное и ясное. Если он сумасшедший, то не мне судить о его сумасшествии, потому что я давно уже такой же сумасшедший на 6-м десятке. А на 2-м десятке, как он, я давно бы сидел в одном из этих вертепов, которые называются больницами.

Пожалуйста, сходите к Медведскому и передайте ему свое и мое – по письму Грибовского и по вашему – впечатление. Мне очень интересны взгляды Грибовского. Если вы еще увидите его и он выскажет их вам, сообщите мне в общих чертах. Если он считает христианство истиной, то мы должны совпадать. Очень, очень вам благодарен и радуюсь общению с вами. *Лев Толстой*».

В. М. Грибовский, за посещение и за отзывы о котором Л. Н-ч благодарит меня, был тогда 18-тилетним гимназистом, теперь он занимает значительный пост в педагогическом мире.

Он писал Л. Н-чу, что прочтя его исповедь, он почувствовал к нему духовную близость и продолжает так:

«Вам, человеку, далеко от меня отстоящему по общественному положению, человеку незнакомому, я хочу раскрыть свою душу и передать для проверки мысли. В 11 лет я был атеист, в 16 – я дошел до мысли о бесполезности жизни и до самоубийства. Судьба меня доводила до буквальной нищеты, заставляла переносить всевозможные унижения, заводила в притоны дикого разгула и разврата, я видел всевозможные страдания нашего интеллигентного и простого пролетариата, я участвовал в заговорах поляков, я вращался по всевозможным политическим кружкам, сидел в доме сумасшедших, был под надзором полиции и при всем этом я гимназист, мне 18 лет и я сын бедного отставного чиновника. Но вынес я все невзгоды, попал на некоторую дорогу, разъяснил себе вздорный механизм всех кружков, сам со своим страданием понял, что мне нужно и познал новую религию».

Этот 18-летний юноша, столько переживший, перечитавший всех философов и теологов и не нашедший в них удовлетворения, пишет Л. Н-чу с юношеским пылом и наивностью: «Вы же первый хотите высвободить философию из ее заколдованного круга, применить ее к действительной жизни и сделать ее доступной каждому, основываете таким образом новую школу. Как человек, как писатель, как философ – вы замечательная личность и преклониться перед вами можно».

Как раз в это время я был у Л. Н-ча в Москве, и он просил меня зайти к Грибовскому и сообщить ему мое впечатление, что я, конечно, поспешил исполнить, и результатом этого исполнения и было это первое письмо ко мне Льва Николаевича.

Мы очень сошлись тогда с Грибовским, и он помогал мне в деле «Посредника» и усердно распространял наши издания.

Он посетил, наконец, Л. Н-ча и дал несколько статей в «Неделю» с отчетом о своем посещении; в этих статьях Грибовский, искусно сплетая действительность с фантазией, заставляет Л. Н-ча отвечать на его вопросы-реплики словами своей «Исповеди», тогда еще находившейся под запретом. И в этой форме ему удалось провести в печать значительную часть «Исповеди» Льва Николаевича.

Общение Л. Н-ча с Грибовским продолжалось и письменно. Пылкость и стремительность юноши, несмотря на все свое преклонение перед Л. Н-чем, не позволяла ему отрешиться от принятых и впитанных им общественных суеверий, и эти суеверия мешали ему вполне понять мысли Л. Н-ча. Особенно трудно ему было усвоить учение о непротивлении злу насилем. И вот он обращается ко Л. Н-чу с письмом, в котором выражает свои сомнения по этому поводу и получает от него такой ответ:

«Не противиться злу насилем не значит не противиться злу, а значит не противиться злу насилем. Мне грустно, что вы, столь тонко и верно понимая многое, в этом запутались не в рассуждении, а в желании. Доказывать бесполезность и неприменимость всяких ограничений этого принципа бесполезно. Они слишком ясны и несомненны. *Сказано только то, что люди под влиянием страдания от боли, обиды и зла вообще склонны, к чему склонны животные – отдавать тоже зло.* И вот сказано, что это есть соблазн заблуждения. Что же тут толковать? Все равно, что сказано: люди склонны смотреть на то, что притягивает их чувственность. Не смотря – легче будет победить чувственность. И вот чиновник, который не хочет отказаться от балетов, станет допрашивать меня: как не смотреть на обнаженных женщин? Ну, а скажет, утопающую женщину можно вытащить, свидетельствовать докторам можно? Поищите у себя в душе, милый друг, нет ли у вас там чего лишнего, что мешает вам понять ясное и простое. А то вы делаете то, что я часто встречаю. Человек живет в доме, построенном без отвеса и угольника, и, прикинув по отвесу и угольнику, видит, что дом крив: но чтобы не сказать этого, он начинает делать геометрические вычисления, по которым бы вышло, что тупой или острый углы – прямые. Поправляйтесь здоровьем, я очень рад узнать вас и полюбил вас. Читали ли вы Руссо «Emile» и «Confession»? – Прочтите. Л. Т.».

Сообщая мне копию с этого письма, Гр. прибавляет: «Это письмо мне пролило много света на мое понимание учения Л. Н-ча». После моего отъезда из Петербурга, в конце 80-х годов, наше общение прекратилось, и Грибовский, продолжая свое образование, занял профессорскую кафедру в одном из русских университетов.

Тяготение мое ко Льву Николаевичу было тогда очень сильно: каким-то внутренним чутьем я сознавал, что на этом пути я найду благо. Но сознательные, теоретические убеждения мои далеко еще не приняли цельного, оформленного характера. На меня нападали сомнения, страх потери старой традиционной веры, и когда голос высшего разума звал меня вперед и ободрял на борьбу, мне он казался искусителем, зовущим меня на погибель. И вот в одну из таких минут колебания я обратился ко Л. Н-чу за советом и помощью, изложив ему, как умел,

главные мотивы моих сомнений; и он ответил мне длинным письмом, в котором неоднократно цитирует места из моего письма и опровергает мои доводы.

Нечего и говорить, какое сильное впечатление произвело на меня это письмо, какой порядок оно внесло в мои бродившие тогда мысли. Вот это письмо:

«Напрасно вы, П. И., не слушаете своего Мефистофеля: он все говорит дело. Если бы вы его слушали и доводили до конца свой разговор с ним, то у вас никогда бы не было тени сомнения и раздвоения, которые я считаю самой опасной и жалкой душевной болезнью. Он говорит: «Верь твоему рассудку и непреложным законам его логики, взгляни на кровавую историю человечества, пропадающую в бесконечности и, вероятно, не имеющую конца. Это самое важное, что и нужно всегда иметь в виду». Еще он говорит вам: «напрасно ты думаешь водворить благо каким-то (тут неясно, какой способ он отрицает) бестолковым детским путем; а обними вооруженным наукою разумом весь беспредельный мир и не думай нарушать законы причины и следствия и развития. Ты властен направлять действия этих законов во благо себе и другим: изучай их, чтобы уметь пользоваться ими». Это все он прекрасно говорит. Я только это и говорю и думаю. И не знаю, за что вы называете «гадиной» такой разумный голос. Ему только одному и надо следовать. Прежде всего надо узнать, какие из всех законов, управляющих миром, во-первых, самые важные, а во-вторых (главное), какими я призван пользоваться, т. е. такие, приложение которых мне наиболее доступно. И по этим соображениям установить правильную очередь в изучении законов и приложении их: прежде понять и научиться пользоваться теми законами, которые мне наиболее доступны, от которых более зависит счастье мое и других и которые поэтому для меня более обязательны; потому, узнав эти законы и прилагая их, заняться следующими, по очереди (в смысле доступности и обязательности) и т. д., до самых последних законов, доступных уму человека. И потому голос совершенно справедливо говорит вам: «Обними весь беспредельный мир вооруженным наукою...» Наука только в том и состоит, чтобы знать эту очередь, знать, что мы можем и должны знать прежде, после и то, чего мы не можем знать. Справедливо говорит и то, что всякий другой путь есть детская мечта. Обновление мира посредством спектрального анализа или любви есть одинаковая детская мечта; не мечта есть только деятельность, сообразная с непреложными законами разума. Голос тоже советует нам помнить историю человечества, исполненную страданий и насилий. И в этом я с ним согласен. Это надо всегда помнить. Помнить то, что эти страдания уменьшались и уменьшаются в человечестве только благодаря деятельности разума, вооруженного наукой (подразумевая под наукой не считание козявок, звезд, телефон и спектральный анализ, а очередное по важности, доступности и обязательности изучение законов мира). И что я, так как я – существо, одаренное тем средством, которое уменьшает страдания, я и должен прилагать его, тем более, что это приложение доставляет человеку, мне, единственное благо, свободное, не уничтожаемое смертью».

Наш маленький просветительный центр уже начал обращать на себя внимание общественных деятелей, и в склад стали приходить с разных сторон запросы на составление библиотек. Между прочим получился запрос и на составление библиотеки для арестантов в остроге.

Я обратился за советом ко Льву Николаевичу, и он отвечал мне:

«...Я был нездоров и оттого не ответил вам скоро. Библиотеки в острогах – очень важное дело, и по-моему заняться ими – очень доброе дело. Это – время досуга, которого часто всю жизнь не знает рабочий человек. Сколько, я знаю, внутренних переворотов свершилось в тюрьмах среди политических, начиная с декабристов. Знаю случаи и между мужиками. Сютаев спрашивал у меня совета: хорошо ли будет сделать какое-нибудь не грешное дело, но такое, чтобы посадили в острог – для того, чтобы там проповедовать. В острожную библиотеку, я думаю, хорошо бы включить Евангелие Матфея по 2 коп. и учение 12 апостолов (киевское издание). Оно продается в Киеве. Есть ли оно у вас в складе? Как бы хорошо было его напечатать отдельно и дешево хоть все, но лучше бы первые 5 глав. В журнале «Детская помощь»

напечатан мой перевод с предисловием и послесловием. Нельзя ли попытаться провести его через цензуру, не упоминая, главное, моего имени?»

Этим же летом посетил Льва Николаевича другой Данилевский, Григорий Петрович, известный писатель и тогдашний редактор «Правительственного вестника».

Его описание посещения Ясной Поляны дает интересную картину тогдашнего образа жизни и мыслей Л. Н-ча, и потому, дополняя картину, начертанную Н. Н. Страховым, мы приводим здесь несколько выдержек из его статьи.

«Каменный в два этажа яснополянский дом, в котором теперь граф Л. Н. Толстой живет почти безвыездно уже около двадцати пяти лет (с 1862), переделан им из отцовского флигеля. Место, где стоял большой старый дом, левее и невдали от нового. Оно заросло липами, обозначаясь в их гущине остатком нескольких камней бывшего фундамента. Здесь под липами стоят простые скамьи и стол, за которыми в летнее время семья графа собирается к обеду и чаю. Колокол, прицепленный к стволу старого вяза, созывает сюда, под липы, из дома и сада членов графской семьи.

У этого вяза обыкновенно, между прочим, собираются яснополянские и другие окрестные жители, имеющие надобность переговорить с графом о своих деревенских нуждах. Он выходит сюда и охотно беседует с ними, помогая им словом и делом. Он, невдали от своего двора, лет пятнадцать назад, посадил целую рощицу молодых елок. Елки поднялись почти в два человеческих роста и немало утешали своего насадителя. Недавно граф вздумал пройти в поле, полюбоваться елками, и возвратился оттуда сильно огорченный. Более десятка его любимых красивых елок оказались безжалостно вырубленными под корень и увезенными из рощи. Он досадовал и на происшествие, и на свое неудовольствие. «Опять вернулось мое бывшее старое чувство досады за такую потерю», – говорил он и, узнав, что, по домашним разведкам, виновником оказался домашний вор, тайно свезший елки под праздник в город, просил об одном, чтобы этот случай не был доведен до сведения графини – его жены.

Граф с сочувствием говорил об искусстве, о родной литературе и ее лучших представителях. Он горячо соболезновал о смерти Тургенева, Мельникова-Печерского и Достоевского. Говоря о чуткой, любящей душе Тургенева, он сердечно сожалел, что этому преданному России, высокохудожественному писателю пришлось лучшие годы зрелого творчества прожить вне отечества, вдали от искренних друзей и лишенным радостей родной, любящей семьи.

«Это был независимый до конца жизни, пытливый ум, – выразился граф Л. Н. о Тургеневе, – и я, несмотря на нашу когда-то мимолетную размолвку, всегда высоко чтил его и горячо любил. Это был истинный, самостоятельный художник, не унижавшийся до сознательного служения мимолетным потребам минуты. Он мог заблуждаться, но и заблуждения его были искренни».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.